

В.Ф. Джунковский

ВОСПОМИНАНИЯ

1915 – 1917

Записи прошлого

Владимир Джунковский
Воспоминания (1915–1917)

«Издательство им. Сабашниковых»

УДК 94(47).083:355.48 «1915/1917»
ББК 63.3(2)534-68

Джунковский В. Ф.

Воспоминания (1915–1917) / В. Ф. Джунковский —
«Издательство им. Сабашниковых», — (Записи прошлого)

ISBN 978-5-8242-0143-7

В 2015 г. исполнилось 150 лет со дня рождения В. Ф. Джунковского (1865–1938), свиты генерал-майора, московского губернатора (1905–1913), товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915). В августе 1915 г. В. Ф. Джунковский был отстранен от службы по личному указанию императора Николая II, после того как представил на высочайшее имя записку, в которой подробно изложил неприглядные факты о деятельности Г. Распутина. Осенью 1915 г. Джунковский добился назначения в действующую армию и командовал дивизией, а затем 3-м Сибирским корпусом, продолжая вести дневник, ставший основой его воспоминаний за 1915–1917 гг. Западный фронт, напряженные бои под Нарочью, окопные будни, Февральская и Октябрьская революции, падение монархии и развал армии, а следом и распад страны – все это документально зафиксированно очевидцем и непосредственным участником событий. Издание проиллюстрировано фотографиями из фронтовых альбомов мемуариста. Публикуется впервые.

УДК 94(47).083:355.48 «1915/1917»

ББК 63.3(2)534-68

ISBN 978-5-8242-0143-7

© Джунковский В. Ф.
© Издательство им. Сабашниковых

Содержание

В. Ф. Джунковский. Август 1915 – декабрь 1917	8
1915. Продолжение[4]	14
Поездка в Курскую губернию	14
Особое совещание по обороне государства	15
Предложение принца Ольденбургского принять должность состоящего при нем	16
Принятие государем императором	18
Увольнение князя Орлова и Дрентельна	21
Мой прощальный приказ по Корпусу жандармов	24
Моя поездка в Ставку к генералу Алексееву	28
Выбор меня на новое двухлетие председателем	29
Кончина П. Н. Дурново	30
Отчисление Юсупова от должности главного начальника Московского военного округа	31
Кончина генерал-адъютанта Д. С. Арсеньева	32
Уход Самарина и князя Щербатова	33
Поездка моя в Москву на Дворянское собрание	34
Статья члена Думы кадета Маклакова в Русских Ведомостях	39
Мой отъезд в отпуск для лечения болезни в Кисловодск и поездка в Тифлис	41
Мой отъезд на фронт[94]	46
Приезд в Минск. Генерал Эверт	47
Отъезд к месту назначения в штаб	49
Приезд к месту назначения	51
Первое мое знакомство с расположением частей дивизии	52
Обедня в полку	53
Переход на другую стоянку в Залесье	54
Возвращение начальника дивизии Редько, первое знакомство с ним	56
Мое первое посещение передовых окопов	57
Первый доклад начальнику дивизии	58
Приезд А. Чаплиной	59
Вступление в командование бригадой	60
Взятие в плен немецкого аэроплана	61
Обход окопов 29-го полка	62
Георгиевский праздник	65
Я вступаю первый раз во временное командование дивизией	66
Встреча с москвичами	67
Возвращение начальника дивизии	68
Приказ по армии	71
Вступление во временное командование дивизией	72
Поразительный случай в пехотной дивизии	74
Московская практическая академия коммерческих наук	75
Приезд М. Д. Карповой	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

В. Ф. Джунковский
Воспоминания (1915–1917). Том 3

© Издательство им. Сабашниковых, 2015

* * *

В. Ф. Джунковский, 1916

В. Ф. Джунковский. Август 1915 – декабрь 1917

15 августа 1915 года товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов Владимир Федорович Джунковский был уволен от службы по личному указанию императора Николая II. Поводом послужило досье, собранное шефом жандармов на Григория Распутина. Передавая на высочайшее имя эту неприглядную хронику деяний «старца», В. Ф. Джунковский знал, на что идет. Его отставка, весть о которой быстро распространилась в правительственных кругах, вызвала широкий общественный резонанс.

Этим знаковым эпизодом заканчивалось двухтомное издание «Воспоминаний» В. Ф. Джунковского, выпущенное Издательством имени Сабашниковых в 1997 году¹. Публикуемые ниже записки являются продолжением повествования.

Не останавливаясь подробно на биографии автора, обстоятельно изложенной в предисловии к изданию 1997 года, отметим, что интерес к фигуре В. Ф. Джунковского значительно вырос за последнее время. Учитывая это обстоятельство, Издательство имени Сабашниковых планирует к публикации также и его рукописи за предшествующий период 1865–1904 гг. Таким образом станет доступным весь корпус воспоминаний Джунковского практически за полвека до 1918 года – скрупулезнейшим образом зафиксированная хроника своего времени.

К сожалению, за более поздний период записок нет. Автор сам поставил точку: «На этом я кончаю свои воспоминания своей службы, которой была полна моя жизнь в течение лучших лет моей жизни».

Обо всем остальном пусть судит читатель. Ведь самым достоверным источником, особенно с таким педантичным автором как В. Ф. Джунковский, есть и остается текст, подготовленный им самим. Частью композиции, органическим элементом его повествования служат документы, сохраненные в многотомном архиве: газетные вырезки, донесения, приказы, протоколы, письма и даже фотографии, сделанные им лично в боевой обстановке.

В предыдущих томах читатели получили возможность проследить глазами автора ход событий за 1905–1912 гг., когда В. Ф. Джунковский был московским губернатором, и за 1913–1915 гг., когда он возглавлял Особый корпус жандармов.

В настоящем томе В. Ф. Джунковский предстает перед нами действующим генералом Действующей армии.

* * *

Занимаемый пост и законодательство Российской империи вполне позволяло экс-шефу Отдельного корпуса жандармов получить генеральскую пенсию за выслугу лет и не утруждать себя дальнейшей службой. Однако, несмотря на обиду, В. Ф. Джунковский остается верен своим принципам. Осенью 1915 года он добивается назначения в Действующую армию командиром бригады 7-й Сибирской стрелковой дивизии, в 1916 – он будет командовать 8-й Сибирской стрелковой дивизией, в 1917 – возглавит формирование новой дивизии и добьется присвоения ей наименования 15-й Сибирской стрелковой, а в сентябре 1917 г. возглавит 3-й Сибирский армейский корпус.

В эти два года уместилось много событий. Западный фронт, напряженные бои, окопные будни, Февральская и Октябрьская революции, падение монархии и развал армии, а следом и страны. На глазах мемуариста армия, которой он присягал служить честно и добросовестно,

---

¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – Т.1.– 736 с.; Т.2. 688 с.

теряла боеспособность, самые дисциплинированные полки заражались анархией, поворачивали оружие против своих же командиров. Как и тысячи других офицеров, Джунковский оказался перед самым тяжелым выбором в своей жизни – долг не позволял оставить свой пост, но и изменить течение событий было не в его власти.

До этого, получив военное образование в Пажеском корпусе, начав службу в элитном лейб-гвардии Преображенском полку, он поднимался по карьерной лестнице от поручика до генерал-майора, не имея реального военного опыта. Оказавшись на фронте, В. Ф. Джунковский прошел основные ступени службы, последовательно командуя бригадой, дивизией и корпусом. Он был прекрасным организатором, но с необходимостью брать на себя ответственность посылать тысячи людей под пули, на смерть, ему пришлось столкнуться только в годы войны.

Многое, что определяло характер Джунковского, нашло реальное практическое применение и здесь, во фронтовой обстановке. Он отмечал в записках: «...Как легко на войне давалась популярность, надо было только добросовестно самому исполнять долг и заботливо относиться к подчиненным, входить в их нужды, смотреть на них не как на пушечное мясо, а как на людей, не сентиментальничая при этом... Больше ничего не требовалось, и за таким командиром люди пойдут куда угодно, будут переносить с ним всякие лишения...».²

Чрезвычайно примечательно описание Джунковским печально известной Нарочской операции. Без снисхождения к себе и другим он описывает действия русских войск, приводит случаи мужества и героизма рядовых стрелков, неразбериху в штабах и общую неподготовленность этого наступления.

Но еще более показательно описание работы комиссии, созданной командованием Западного фронта по горячим следам с целью определить причины и виновников неудач. Из скупых строк, описывающих этот эпизод, видно, как непросто было В. Ф. Джунковскому отстаивать честь сибирских полков, когда на них попытались возложить вину за прорыв немцев и последующее отступление. Но он сумел найти слова и убедить командование принять его точку зрения. Безусловно, авторитет бывшего заместителя министра внутренних дел и московского губернатора сыграл свою роль. Однако и характер человека в такой ситуации многое значит. В марте 1916 года для генерала Джунковского честь этих полков была также дорога, как его собственная, и он защищал их честь, как свою.

На войне не бывает мелочей. И со свойственной ему дотошностью бывший губернатор погружался во все премудрости фронтовой жизни. Доставка продовольствия, приготовление пищи, обмундирование и снаряжение, медицинское обеспечение и взаимодействие с соседями по «передовой» – все это стало каждодневной работой, требующей внимания и днем и ночью.

Включение в корпус мемуаров большого количества приказов по частям, которыми он командовал, возможно, покажется лишними подробностями, перегружающими текст. Но каждая строчка приказа, указывающая, что на позициях полка или дивизиона надо что-то исправить, разместить полевые кухни поближе к окопам, выставить новые посты, создать команды по откачке воды из траншей или отремонтировать мостки, по которым должны эвакуировать раненых, свидетельствует о том, что они сделаны человеком, который сам регулярно ходит по этим окопам и мосткам.

И он ходил, и объезжал верхом растянувшиеся на много верст позиции, требовал обеспечить наблюдение за противником, добивался четкой работы санитарных служб, заботился о питании и бытовых условиях бойцов. Его отношение к людям в солдатских шинелях не осталось ими незамеченным, а его требовательность воспринималась ими не как генеральские придирки, а как проявление заботы и стремление к порядку, без которого жизнь в окопах превращается в кошмар.

---

² Здесь и далее цитаты приводятся по настоящему изданию.

Провожая Джунковского в сентябре 1917 г. в штаб 3-го Сибирского армейского корпуса, который он должен был возглавить, один из рядовых стрелков дивизии говорил: «Мы никогда не забудем нашего начальника дивизии, которого всегда можно было встретить то ночью, то днем без всякой свиты проходящего по окопам, скромно, без всякого оружия».

По своим убеждениям В. Ф. Джунковский был монархистом, и не скрывал этого, до последнего момента оставаясь преданным свергнутому российскому императору, несмотря на обиды, связанные с отставкой 1915 года. Однако он имел свое мнение о взаимоотношениях верховного командования и действующей армии. Об этом свидетельствует эпизод, когда Джунковский принимал участие в торжественном смотре-награждении отличившихся солдат Западного фронта великим князем Георгием Михайловичем.

«Ведь насколько, – пишет Джунковский, – больше впечатления произвело бы прибытие посланца царя, если бы для него не устраивали бутафорского парада, а он бы сам объехал войска в местах их стоянок, побывал бы и в окопах, это конечно заняло бы несколько дней, но зато и великий князь мог бы доложить государю, как действительно живут полки, и войска бы увидели посланца царя у себя – это бы имело колоссальное влияние на настроение войск... Конечно, это представляло известный риск, но я смотрю так, что даже если бы великого князя какая-нибудь шальная пуля и настигла где-нибудь в окопах, то и такого рода жертва окупилась бы вполне тем моральным впечатлением, которое бы она произвела на войска, сознанием, что и великие князья жертвуют своей жизнью за царя и Родину...».

Такой же неоднозначной была и его позиция в отношении Распутина. В декабре 1916 года Владимиру Федоровичу пришлось специально объяснять товарищам по оружию свой взгляд на его убийство.

«...Один из чинов штаба обратился ко мне: «Ваше превосходительство, почему Вы не разделяете нашего восторга?» Я ответил: «Это начало конца!» Меня просили объяснить, что я этим хочу сказать. Я сказал, что дело не в личности Распутина, а дело в том, что такие явления, как распутиниада, вообще были возможны... Что касается самого факта убийства, то этим самым участники его... еще более скомпрометировали престол. «Убийцы, – прибавил я, – сыграли в руку революции».

Спустя два месяца опасения генерала-майора Джунковского подтвердились. Февральские события 1917 года привели к власти политические силы и людей, которые завершают распад того, чему он служил и во что верил.

Потому и его оценки многих военачальников и политических деятелей из числа членов Государственной думы и Временного правительства резко отличаются от хрестоматийных. В высшей степени уничижительна его характеристика министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского, оказавшегося наверху этой пирамиды.

Джунковский ясно видел неспособность Временного правительства решать значимые политические задачи. Демонстрацией служит эпизод, связанный с Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, на которую летом 1917 г. автор был приглашен для дачи показаний. Эта несвоевременная попытка сведения счетов с бывшими политическими противниками в условиях разваливающейся экономики и катастрофической ситуации на фронте, наглядно продемонстрировала близорукость и слабость новой власти.

Но и в данных условиях, как командир дивизии, а затем и корпуса, В. Ф. Джунковский предпринимает все от него зависящее, чтобы предохранить от анархии вверенные ему части, сохранить порядок и боеспособность рот и полков, невзирая на «демократические» веяния, агитацию, пропаганду и революционные лозунги. Даже с комиссарами временного правительства ему удается договариваться.

Однако новая политическая власть расставляет на местах и соответствующее военное командование. Керенский назначает верховным главнокомандующим известного своим успеш-

ным наступлением в 1916 году генерала А. А. Брусилова, заменив им генерала М. В. Алексева. Но вот что пишет об этом Джунковский:

«Благодаря Брусилову развал в армии усилился, т. к. твердые начальники в нем поддержки не имели. Керенский, приехавши в Ставку, пришел в ужас, когда ему показали всю картину развала армии, но он не решился принять радикальных мер против этого развала, боясь, как бы эти меры не способствовали бы контрреволюции. Он стал насаждать комиссаров, из бывших политических, главным образом эсеров, наивно думая, что эти последние сумеют, с одной стороны, укрепить дисциплину, с другой, – пресечь всякие контрреволюционные попытки. Убедившись, что и из этого ничего не выходит, он, напуганный июльским большевистским движением, сменил безвольного и ничтожного Брусилова, заменив его твердым как скала Корниловым, но было уже поздно».

Далее, оценивая личности А. А. Брусилова и А. И. Деникина, Джунковский дает понять, что его симпатии не на стороне генерала, пошедшего на службу к большевикам, а на стороне человека, чья фамилия при советской власти стала синонимом врага. Цитируя слова Деникина о долге и чести, Джунковский обозначает и свою личную позицию: «Иллюзий у него не было, но он считал долгом до конца, пока он в состоянии, твердо неуклонно продолжать свое дело защиты Родины».

Особое место в тексте воспоминаний занимает сюжет, посвященный положению дел в Московской практической академии коммерческих наук, попечителем которой Джунковский был без малого 10 лет. Первое письмо, включенное в текст, датировано 18 января 1916, а последнее – 1 мая 1917, т. е. уже после Февральской революции. Однако весь сюжет привязан в тексте к началу 1916 года, когда выдающийся русский химик и педагог А. Н. Реформатский принял решение об уходе с поста директора и перед попечительским советом встал вопрос о его замене.

Отношения между преподавательским составом, попечительским советом, администрацией и учащимися представляет собой некий слепок всего российского общества описываемого периода. Нельзя не отметить, что среди преподавателей, упоминавшихся в переписке, не менее половины – состоявшиеся ученые с европейским именем, а другая – будущие академики АН СССР, доктора наук и т. п. Их работа в стенах практической академии заставляет по-новому взглянуть на уровень образования ее выпускников.

Такие имена, как Д. Н. Анучин и А. П. Калитинский, С. А. Чаплыгин и В. И. Пичета, А. И. Успенский и П. И. Новгородцев и сегодня составляют славу и гордость отечественной науки и культуры. А что стоит список попечительского совета – практически повторяющий список промышленно-финансовой элиты Российской империи: Рябушинские и Абрикосовы, С. М. Долгов и Н. И. Астров, предприниматель и математик Е. М. Эпштейн, Н. К. Смирнов и Д. И. Филиппов. Ведущие коммерсанты считали своим долгом поддерживать образование и науку в России.

Как оказалось впоследствии, многие из преподавателей этих учебных заведений предпочли «бой кровавый», а не «сеять разумное, доброе вечное». Последний год существования учебного заведения по накалу страстей, скрытому напряжению и трагической развязке демонстрирует процесс распада всего общества в целом. Педагогические собрания превращаются в митинги, профессиональные качества преподавателей подменяются политическими взглядами, анонимки и доносы становятся средством избавления от профессуры старой школы. Большевистская идеология, исходящая из принципа «кто был никем, тот станет всем», одерживает верх над академическим подходом.

И в этой ситуации именно монархист, экс-жандарм и блестящий придворный В. Ф. Джунковский выступает в роли арбитра и пытается противостоять разрушительным тенденциям ради тех, кто пришел в академию учиться, его волнует учебный процесс, а не политические взгляды преподавателей.

По своему содержанию его переписка с С. М. Долговым, исполняющим обязанности председателя попечительского совета, и Е. Н. Ефимовым, директором академии, выходит далеко за пределы истории одного учебного заведения. Джунковский включил этот сюжет в состав книги как иллюстрацию того, что происходило в тылу, усматривая прямую взаимосвязь с процессами, происходившими на фронте.

А там, где маневренный период ведения боевых действий уже завершился и фронт застыл в окопах позиционной войны, В. Ф. Джунковский среди повседневных забот о большом дивизионном хозяйстве, личном составе, его боеготовности и здоровье, находит время для сбора документов по истории воинской части, у истоков создания которой он стоял. Так, в его личном фонде имеется целое дело³, в котором собраны списки офицеров 15-й Сибирской стрелковой дивизии, исторические справки о частях, послуживших основой для формирования ее и 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, разнообразные инструкции и наставления.

Показателен приказ № 84 по 15-й Сибирской стрелковой дивизии от 5 февраля 1917 г., устанавливающий порядок увековечивания подвигов военнослужащих части. В нем Джунковский делает нормой не просто фотографирование героя для полкового музея, а отправку на родину семье героя его фотографии с описанием подвига. Такое отношение генерала Джунковского к подчиненным, его приказам или просьбам вызывало уважение.

В 1938 году, тогда, когда Джунковский был арестован и приговорен к расстрелу, в Париже вышла небольшая книга Болеслава Вильгельмовича Веверна «6-я батарея, 1914–1917 гг.: Повесть о времени великого служения Родине». Автор – полковник-артиллерист, участник 1-й мировой и Гражданских войн, эмигрант и нештатный автор таких изданий, как «Возрождение», «Русский инвалид», «Часовой». В 1917 году артиллерийская бригада, где служил Веверн, стояла на позициях вместе с дивизией Джунковского, и этому эпизоду он посвятил несколько слов, которые весьма точно характеризуют командующего дивизией:

«Наконец настал день, когда эту дивизию сменила тоже недавно сформированная Сибирская стрелковая дивизия, начальником которой был назначен генерал Джунковский. Мы сразу почувствовали разницу, как в отношении к себе, так и в отношении к неприятелю. Теперь мы могли опять спокойно стоять на своих позициях, не опасаясь за участь своих орудий.

Светлые воспоминания о личности генерала Джунковского навсегда останутся в нашей памяти. Он был всегда с нами необыкновенно вежлив и внимателен, как к нам самим, так и ко всем нашим нуждам. О генерале Джунковском мы никогда не слыхали от его подчинённых ни одного плохого слова: все всегда его только хвалили, любили и верили ему».

В воспоминаниях Джунковского практически не нашло места его личное увлечение фотографией. Несколько скупых фраз типа: «я даже раз вышел из блиндажа и сфотографировал несколько взрывов», «снимались в группе» и т. п. да несколько фотографий генерала с фотоаппаратом фирмы «Кодак» руках. Но и в этом увлечении проявлялся его характер: не многие фотографы находили время, чтобы разобрать свои и чужие снимки, наклеить их в фотоальбомы, придерживаясь хронологии, даты и места съемки, сделать практически под всеми фотографиями подписи. Именно поэтому его фотоснимки сейчас, через 100 лет после начала 1-й мировой войны, приобрели особую ценность, благодаря им есть возможность увидеть лица людей, участников событий, о которых рассказывает автор.

Свои записки В. Ф. Джунковский готовил к изданию в серии «Записи Прошлого» издательства М. и С. Сабашниковых. С семьей Сабашниковых его связывала многолетняя дружба. Вспоминая об этом, Михаил Васильевич Сабашников писал:

³ ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Д.375. Л. 1-137

«По мере написания своих записок Владимир Федорович прочитывал их мне и Софии Яковлевне вслух. Я часто удивлялся его удивительной памяти и добросовестной точности, с которыми он старался описывать иногда и незначительные подробности.

Когда мы лишены были общим ходом событий возможности издавать подобные произведения, Владимир Федорович реализовал свой труд у Бонч-Бруевича в Литературном музее, что дало этому благородному человеку средства к жизни на несколько лет».

Это был уже 1934 год. В. Д. Бонч-Бруевич едва сам не поплатился за то, что приобрел рукопись у бывшего царского генерала.

Позже машинописная копия воспоминаний со всеми сопроводительными материалами была передана в Государственный архив Российской Федерации, где и хранится по настоящее время.

* * *

При подготовке настоящего издания стиль и композиция оригинала сохранены. Написание слов и пунктуация приведены в соответствие с современными грамматическими нормами, за некоторыми исключениями, в частности, в документах, для сохранения аутентичности текста и стилистических особенностей речи. Также устранены разночтения в написании имен собственных: фамилий, географических названий. Топонимы и географические названия соответствуют написанию 1914–1918 гг. Орфографические ошибки и опечатки исправлены без оговорок; смысловые ошибки и описки оговариваются в примечаниях. Примечания к тексту, сделанные автором, обозначаются как «Примеч. автора».

Из-за большого объема издания часть документов, включенных автором в общий корпус воспоминаний, таких, как приказы по воинским частям и соединениям, благодарственные письма и ряд постановлений Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, призывы Временного правительства, обращения А. Ф. Керенского – частично опущены или сокращены. Пропуски и изъятия в тексте отмечены отточием, заключенным в угловые скобки.

При публикации составители постарались сохранить авторскую разбивку на абзацы, но в ряде случаев руководствовались смыслом и удобством восприятия текста. Авторские подчеркивания воспроизводятся в тексте без оговаривания. Общепринятые сокращения слов, обозначающие титулы, чины, рода войск и т. п. в тексте раскрыты. К номерам воинских частей и соединений добавлялось через дефис окончание, чтобы они отличались от чисел.

Даты в соответствии с общепринятыми правилами (до 1 февраля 1918) приводятся по старому стилю, в нескольких необходимых случаях рядом в круглыми скобками проставлена дата по новому стилю.

Издание снабжено именным указателем и примечаниями, в состав которых включены биографические сведения о лицах, упоминаемых автором в тексте. При подготовке примечаний и указателя были использованы документы личного фонда В. Ф. Джунковского (ГА РФ. Фонд 826. Опись.1).

Составители выражают особую благодарность В. А. Авдееву, Д. А. Белановскому, И. Н. Засыпкиной, Е. Л. Киселевой, Л. В. Крячковой, А. В. Махалину, С. Г. Нелиповичу, И. К. Оганджян, З. И. Перегудовой, Е. А. Полуэктовой, А. Н. Сидоровой, М. В. Сидоровой, О. В. Чистякову, В. М. Шабанову, В. Л. Юшко за помощь, консультации и ценные советы.

1915. Продолжение⁴

Поездка в Курскую губернию

19-го августа я выехал через Москву в Курскую губернию, чтобы поделиться с моими близкими друзьями Евреиновыми⁵ переменой моей по службе и сообщить о своем отъезде на фронт, вернулся я в Петроград 23 числа.

---

⁴ Начало 1915 г. см.: Джунковский В. Ф. Воспоминания. – М., 1997, т. 2. Печатается по ГА РФ Ф.826. Оп.1. Д.56. ЛЛ.313-354

⁵ ...Евреиновыми... – Евреинова Антонина (Нина) Васильевна (урожд. Сабашникова, 1861–1945), издатель журнала «Северный вестник», родная сестра книгоиздателей Михаила и Сергея Сабашниковых. В 1886 вышла замуж за А. В. Евреинова (1853–1903). В. Ф. Джунковский часто гостил в ее имении Борщень Курской губ. В 1922 г. выехала с детьми в Чехословакию (Прага), позднее в Болгарию (София), Францию (Париж, Тулуза).

Особое совещание по обороне государства

Накануне этого дня в Зимнем дворце состоялось торжественное открытие заседаний Особого совещания по обороне государства⁶, учрежденного при Военном министерстве.

Председательствовал государь, открывший заседание следующей речью:

«Дело, которое поручено Особому совещанию по обороне государства – самое главное и самое теперь важное: то усиленное снабжение армии боевыми припасами, которое только и ждут наши доблестные войска, чтобы остановить иноплеменное нашествие и вернуть успех нашему оружию.

Созванные мною законодательные учреждения твердо и без малейшего колебания дали мне тот единственный ответ, какого я ожидал от них: война до полной победы.

Я не сомневаюсь что это – голос всей русской земли.

Но принятое великое решение требует от нас и величайшего напряжения сил. Это стало уже общей мыслью, но мысль эту надо скорее воплотить в дело, и к этому призвано прежде всего ваше совещание.

В нем объединены для общего дружного труда и правительство, и избранники законодательных и общественных учреждений, и деятели нашей промышленности, словом, представители всей деловой России.

С полным доверием, предоставив вам исключительно широкие полномочия, я все время буду с глубоким вниманием следить за вашей работой и, в необходимых случаях, приму сам личное в ней участие.

Великое дело перед нами, сосредоточим на нем воодушевленные усилия всей страны.

Оставим на время заботы о всем прочем, хотя бы важном, государственном, но не насущем, для настоящей минуты.

Ничего не должно отвлекать мыслей, воли и сил наших от единой теперь цели: изгнать врага из наших пределов. Для этой цели мы должны прежде всего обеспечить действующей армии и собираемым новым войскам полноту боевого снаряжения. Эта задача, отныне вверена вам, господа, и я знаю, что вы вложите в ее исполнение все свои силы, всю любовь к Родине. С Богом, за дело!»

---

⁶ ...Особое совещание по обороне. – Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Высший государственный орган, образован по утвержденному императором закону от 17 августа 1915 об учреждении особых совещаний для оперативного решения вопросов укрепления обороноспособности России в условиях чрезвычайного положения в годы войны. Упразднен 21 марта 1918.

Предложение принца Ольденбургского принять должность состоящего при нем

23 августа я получил депешу от принца Ольденбургского⁷ из Харькова: «Не угодно ли вашему превосходительству состоять при мне, по моей должности Верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Мне достоверно известно, что никаких препятствий не имеется. Ответ благоволите телеграфировать Ростов-на-Дону вслед. Принц Александр Ольденбургский».

Эта депеша меня страшно тронула, и мне было очень неловко, что я, решив ехать на фронт, не мог принять любезного предложения принца.

Я ему тотчас же ответил следующей депешей:

«Ростов Дон вслед.

Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому.

Не нахожу слов выразить вашему императорскому высочеству чувства глубочайшей признательности, охватившие меня при чтении вашей депешы: поддержка, внимание минуты, ныне мною переживаемые более чем дороги. Мне крайне совестно, но ваше императорское высочество чутки и поймете меня, что в том состоянии, каком ныне я нахожусь, только строевая служба передовой линии может ввести меня в равновесие и спокойствие, поэтому я просил высочайшего соизволения на отправление меня на театр войны прикомандированием 1-й гвардейской дивизии для изучения боевого строя с тем, чтобы в случае удостоения меня иметь право получить бригаду на войне. На это князь Щербатов⁸, на словах, передал мне, что его величество изволил выразить согласие, и я ожидаю настоящее время высочайшего указа о моем отчислении их должностей, чтобы подать рапорт изложением моего ходатайства. Не посетуйте же на меня, Ваше высочество, и еще раз примите мою благодарность, я никогда не забуду вашего внимания; замедлил ответом, так как мучительно колебался.

Свиты генерал Джунковский.

25 августа 1915 года».

Как только я отправил эту депешу, то получил от графа Фредерикса следующую бумагу:

«Государю императору, в 23-й день сего августа, благоугодно было высочайше соизволить на назначение вашего превосходительства в распоряжение Верховного начальника санитарной и эвакуационной части его императорского высочества принца Александра Петровича Ольденбургского.

О таковом высочайшем соизволении и уведомляю ваше превосходительство».

Эта бумага меня крайне смутила, я понял, что принц просил государя о моем назначении и, получив согласие его величества, телеграфировал мне. Государь же, очевидно, подумал, что принц действует с моего согласия.

Делать было нечего, я решился послать графу Фредериксу следующую депешу:

«Царская ставка.

Командующему императорской главной квартирой.

24 августа получил депешу принца Ольденбургского. Предлагает мне состоять его распоряжении, просит ответа. Ответил глубокой признательностью извинением, что не могу при-

---

⁷ ...Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932), принц, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного совета. С 03.09.1914 – верховный начальник санитарной и эвакуационной части Действующей армии. После Февральской революции в числе родственников Романовых уволен от службы с мундиром. С 1917 в эмиграции в Финляндии, с 1918 во Франции, жил и умер в Биаррице.

⁸ ...Щербатов Павел Борисович (1871–1951), князь, полковник л-гв. Гусарского полка. С 25.07.1914 – адъютант Верховного главнокомандующего, с 24.08.1915 – адъютант главнокомандующего Кавказским фронтом и наместника на Кавказе. После октябрьского переворота – участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Бельгии.

нять, так как решил воспользоваться высочайшим соизволением, переданным мне словесно князем Щербатовым, отправиться в действующую армию на фронт прикомандированием меня штабу корпуса или дивизии для изучения боевого строя, как единственно отвечающего переживаемому мной ныне состоянию, с тем, чтобы, в случае удостоения меня, иметь право получить бригаду на войне. Был счастлив такому высочайшему соизволению. Сейчас получил от вашего сиятельства высочайшее соизволение назначении меня в распоряжение принца Ольденбургского. Считаю долгом совершенно искренно доложить, что в том состоянии, в каком я ныне нахожусь, только строевая служба в передовой линии может ввести мое душевное состояние в равновесие и успокоить меня, поэтому не признаете ли Вы возможным всеподданнейше доложить обо всем вышеизложенном государю императору и о последующем не оставить меня уведомлением».

На другой день, я получил ответ:

«Ваша телеграмма мною доложена государю императору. Его величество изволил выразить соизволение.

Генерал-адъютант граф Фредерикс».

Тем не менее приказ о моем назначении к принцу был опубликован в Правительственном вестнике, и ко мне стала поступать масса разных ходатайств по санитарной части и стали являться просители.

Это вынудило меня обратиться с письмом к помощнику принца, И. В. Мещанинову⁹, с просьбой опубликовать новый приказ о моем освобождении от обязанностей состоящего лично при Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части, вследствие назначения в действующую армию.

От графа Фредерикса я получил еще бумагу, от 27 августа, благоугодно окончательно рассеявшую все сомнения:

«Государю императору, в 26-й день сего августа, благоугодно было соизволить на отбытие вашего превосходительства в Действующую армию для прикомандирования к одному из штабов корпуса или дивизии для изучения боевого строя, с тем, чтобы вы могли получить, в случае удостоения, в свое командование бригаду. О таковом высочайшем соизволении уведомляю ваше превосходительство в отмену сообщения моего, от 25 сего августа».

---

⁹ ...Мещанинов Иван Васильевич (1846–1918), действительный тайный советник, сенатор, товарищ министра народного просвещения (1901–1902). В 1914–1917 гг. помощник А. П. Ольденбургского. Умер в Петрограде.

Принятие государем императором Верховного командования на себя

Пока шла вся эта переписка, произошло крупное событие. Государь принял на себя Верховное командование, великий князь¹⁰ назначен наместником на Кавказ вместо графа Воронцова-Дашкова¹¹.

23-го августа опубликован был следующий приказ государя по армии и флоту:

«Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердою верою в милость божью и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Николай».

Одновременно был опубликован и рескрипт на имя великого князя Николая Николаевича:

«Ваше императорское высочество, вслед за открытием военных действий причины общегосударственного порядка не дали мне возможности последовать душевному моему влечению и тогда же лично стать во главе армии, почему я возложил Верховное командование всеми сухопутными и морскими силами на ваше императорское высочество.

На глазах всей России, ваше императорское высочество проявляли на войне непоколебимую доблесть, вызвавшую глубокое доверие у всех русских людей, неизменно сочувствовавших вашему имени при неизбежных превратностях боевого счастья.

Возложенное на меня свыше бремя царского служения Родине повелевает мне ныне, когда враг углубился в пределы империи, принять на себя Верховное командование действующими войсками и разделить боевую страду моей армии и вместе с нею отстоять от покушений врага Русскую землю.

Пути промысла Божия неисповедимы. Но мой долг и желание мое укрепляет меня в этом решении из соображений пользы государства. Усилившееся вторжение неприятеля с западного фронта ставит превыше всего теснейшее сосредоточение всей военной и гражданской власти, а равно объединение боевого командования с направлением деятельности всех частей государственного управления, отвлекая тем внимание от нашего Южного фронта. Признавая, при сложной обстановке, необходимость мне в вашей помощи и советах по нашему Южному фронту, назначаю ваше императорское высочество наместником моим на Кавказ и главнокомандующим доблестной

---

¹⁰ ...Николай Николаевич (младший, 1856–1929), великий князь, генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1901), председатель Совета государственной обороны (1905–1908). С 20.07.1914 по 23.08.1915 – Верховный главнокомандующий; с 24.08.1915 по 01.03.1917 – Главнокомандующий Кавказским фронтом и наместник на Кавказе. После Февральской революции – под домашним арестом в имении Дюльбер (Крым). С 1919 – в эмиграции в Италии, позднее – во Франции. С декабря 1924 – руководитель всеми русскими военными зарубежными организациями.

¹¹ ...Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1875), министр Императорского Двора (1881–1904). С 27.02.1905 – наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск. 19.07.1914 назначен главнокомандующим Кавказской армией, однако не принимал участия в руководстве военными действиями, передав свои функции генералу Н. Н. Юденичу. Скончался в Алушке 15.01.1916.

Кавказской армией, выражая вашему императорскому высочеству за все ваши боевые труды глубокую благодарность мою и Родины.

Пребываю к Вам неизменно благосклонный и искренно и сердечно любящий Вас
Николай».

Великий князь, оставляя командование, обратился к войскам с следующим прощальным приказом:

«Сегодня, во главе вас, доблестные армия и флот, стал сам державный верховный вождь, государь император! Преклоняясь перед вашим героизмом за более чем год войны, шлю вам мою душевную сердечную горячую благодарность. Твердо верю, что, зная, что сам Царь, которому вы присягали, ведет вас, вы явите новые, невиданные доселе, подвиги, и что Господь от сего дня окажет своему помазаннику свою всеильную помощь дарованием победы.

Генерал-адъютант Николай».

Взятие государем Верховного командования на себя было, как мне казалось и тогда, большой ошибкой, и потому лично меня это известие сильно огорчило и встревожило. Не было никакого сомнения, что этот шаг был сделан под влиянием императрицы¹², которая не выносила великого князя, популярность которого среди войск, несмотря даже на неудачи, росла с каждым днем. Она не понимала, что престиж Верховного главнокомандующего отзывается и на престиже государя, подымая его. Она же боялась обратного, а так как вокруг нее была целая клика лакеев в роде Воейкова¹³, которая старалась потакать ей в ее недоброжелательных суждениях по адресу великого князя, доходивших чуть ли не до обвинения его в стремлении к свержению государя с престола, то, конечно, она напрягла все усилия, чтобы настоять на удалении великого князя. Она не понимала, что этим она не помогает государю, а роет ему яму, что когда внутри страны неспокойно, когда Совет Министров расшатан, когда брожение, недовольство проявляется то тут то там, то государю нельзя покидать столицу, а надо показываться больше народу, входить в общение с ним и своей простотой в обращении, своим обаянием, которое, несомненно, было, парализовать то неблагоприятное течение, которое распространялось среди масс, под влиянием неудач на фронте и подпольной работы революционных групп.

Когда я, через некоторое время, очутился на фронте и столкнулся с жизнью на передовых позициях, то не мог не констатировать с грустью, что верховное командование государем вносило и в боевое дело скорее больше вреда, чем пользы. Но об этом я буду говорить в свое время.

В это время, по некоторым данным, я узнал причину моего увольнения. Оказалось, что воспрещение Распутину¹⁴ являться к государю произвело большую тревогу среди всех пользовавшихся милостями этого изувера и окружавших его. Были мобилизованы все силы для выхода из этого положения; что и как все это было осуществлено, я не знаю, но в конце июля месяца моя всеподданнейшая записка попала в руки императрицы. Об этом я узнал от флигель-адъютанта Саблина¹⁵, пользовавшегося большим доверием императрицы,

---

¹² ...императрицы – имеется в виду Александра Федоровна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская (1872–1918), супруга императора Николая II. Расстреляна вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

¹³ ...в роде Воейкова... – Воейков Владимир Николаевич (1868–1947), генерал-майор. С 24.12.1913 – дворцовый комендант, в 1915 назначен «главнонаблюдающим за физическим развитием народонаселения Российской империи». После Февральской революции был заключен в Петропавловскую крепость, позднее в отставку. С 1918 в эмиграции в Бельгии, позднее – в Финляндии. Имел прозвище «Кувака» за активное продвижение на рынок минеральной воды, добываемой в одноименном имении в Нижнеломовском у. Пензенской губ.

¹⁴ ...Распутин Григорий Ефимович (Новых, 1869–1916), «старец» из крестьян Тобольской губ., приближенный ко двору и имевший пагубное влияние на императора Николая II и императрицу Александру Федоровну. Был убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде в доме князя Ф. Ф. Юсупова при участии великого князя Дмитрия Павловича.

¹⁵ ...Саблин Николай Павлович (1880–1937), флигель-адъютант (1912), контр-адмирал (1916). С августа 1914 – назначен состоять при Николае II на время пребывания императора на театре военных действий, позднее – командир Отдельного

как исполнявший разные поручения императрицы и Вырубовой¹⁶ к Распутину. Встретившись со мной, он спросил: «Вы ведь подавали государю записку о Распутине?» «Нет», – ответил я. «От меня Вы можете не скрывать, записка у меня, мне ее передала императрица, и вот я и хочу просить помочь мне в этом деле. Я прочел вашу записку и мне хочется открыть глаза ее величества на этого человека. Вам императрица не верит, а мне она безусловно поверит. Мне поручено расследовать достоверность всех фактов, изложенных в вашей записке, Вы можете оказать большую услугу, назвав мне тех свидетелей, которые бы могли мне все это подтвердить».

Я, по наивности, принял все это за чистую монету и сообщил ему имена всех тех, кому желательно, чтобы он обратился.

Оказалось, что расследование он повел совсем с другого конца и составил доклад, отрицавший представленные мною факты. Он допросил, правда, и Адрианова¹⁷, бывшего градоначальника, но тот, будучи уволен по моей инициативе, успел уже за это время приблизиться к Распутину, очевидно, мечтая при нем всплыть опять и избежать угрожавшее ему предание суду за попустительство при московских беспорядках. Адрианов в угоду Распутину и показал, что сообщенное мною о происшествии у «Яра» ему неизвестно. Конечно, такое показание Адрианова явилось лучшим оружием против меня. Эту гнусность Адрианова я узнал из записки Белецкого¹⁸, когда она появилась в печати¹⁹.

Я убежден, что государь, увольняя меня, ни минуты не сомневался в моей правоте, и, будучи чуток, в душе своей верно оценивал произведенное расследование, но против императрицы, конечно, стоять не мог.

батальона Гвардейского экипажа, командир императорской яхты «Штандарт». После Февральской революции – в отставке. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Турции, позднее в Германии и Франции.

¹⁶ ...Вырубова Анна Александровна (урожд. Танеева, 1884–1964), фрейлина (1904), ближайшая подруга императрицы Александры Фёдоровны, мемуаристка. Считалась одной из самых горячих почитательниц Григория Распутина. С 1920 – в эмиграции в Финляндии.

¹⁷ ...Адрианов Александр Александрович (1861–1918), генерал-майор Свиты е.и.в. (1912). С 14.02.1907 по 30.05.1915 – московский градоначальник, ушел в отставку по требованию министра внутренних дел Н. А. Маклакова в связи с немецкими погромами 25.05. – 29.05.1915 г. Умер в Москве.

¹⁸ ...Белецкий Степан Петрович (1873–1918), тайный советник, сенатор. С февраля 1912 по январь 1914 – директор Департамента полиции, до 19.02.1916 – товарищ министра внутренних дел, позднее был назначен иркутским генерал-губернатором, но после отказа выехать к месту назначения был уволен. После Февральской революции до 25.11.1917 содержался в Петропавловской крепости. Расстрелян как заложник в начале красного террора.

¹⁹ ...записки Белецкого... – имеется в виду брошюра-памфлет, подготовленная под руководством С. П. Белецкого: Тихменев Н. П. Генерал Джунковский в отставке. – Петроград, 1915.

Увольнение князя Орлова и Дрентельна

Вскоре последовало увольнение двух ближайших лиц свиты, окружавшей государя: князя Орлова²⁰ – начальника Военно-походной канцелярии и его помощника Дрентельна²¹, этих двух светлых безукоризненных личностей.

Оба они были обвинены императрицей в дружбе со мной, а Орлов еще в слишком большой близости к великому князю Николаю Николаевичу. Оба они получили другие назначения. С Орловым произошло таким образом: когда великий князь был назначен наместником на Кавказе, государь предложил ему взять с собой Орлова, сказав: «Ты так любишь Орлова, возьми его с собой на Кавказ».

Орлов и был назначен в распоряжение наместника, впоследствии же помощником его.

С Дрентельном государь расстался месяцем или двумя позже; видно было, чувствовалось, как трудно было государю решиться на это. Государь знал удивительное благородство его души и непоколебимую верность и преданность его, не лакейскую, а настоящую. Он привык к Дрентельну и был действительно привязан к нему, поэтому он и медлил его отпустить, избрав для него наиболее почетный выход, он был назначен командиром л. – гв. Преображенского полка.

Прощание с Дрентельном еще раз доказало, как тяжело было государю расстаться с ним. Когда он, уезжая к месту нового своего служения, явился откланяться государю, то его величество, поздоровавшись с ним и предложив сесть, сказал приблизительно следующее:

«Я понимаю отлично, что вы переживаете, а вы понимаете и без слов, что я переживаю, расставаясь с вами, поэтому всякие слова, сейчас, будут слишком банальны». «Лучше посидим просто и выкурим папироску», – прибавил государь, подавая портсигар. Выкурив папироску, государь встал, обнял Дрентельна и, пожелав ему счастья в командовании полком, отпустил.

Передаю это со слов Дрентельна, думаю, что почти дословно.

Наступил сентябрь месяц, а высочайшего приказа о моем отчислении все еще не было и я продолжал командовать корпусом жандармов, делать всякие распоряжения и только не сопровождал более государя при его поездках, командиром для сего моего начальника штаба Никольского²². От всяких проводов и чествований я, конечно, отказался, да и не время было этому, особенно при тех обстоятельствах, которых я оставлял должности. Я только объехал все свои учреждения, чтобы поблагодарить всех за дружную самоотверженную работу, снимался в группах. Затем, я сделал прощальные визиты всем своим сотоварищам по службе, по министерству внутренних дел, и всему составу Совета Министров. Все они проявили ко мне самое сердечное искреннее сочувствие, особенно трогательно отнеслись ко мне, не говоря уже о Самарине²³,

²⁰ ...Орлов Владимир Николаевич (1867–1927), князь, генерал-адъютант (1915), генерал-лейтенант (1915). С 26.08.1906 по 25.08.1915 – начальник военно-походной канцелярии Е. И. В. С 16.11.1915 – помощник по гражданской части Наместника на Кавказе. После Февральской революции уволен от службы. С конца 1917 жил в имении Чаир в Крыму вместе с великим князем Николаем Николаевичем, в 1919 эмигрировал во Францию.

²¹ ...Дрентельн Александр Александрович (1868–1925), генерал-майор Свиты е.и.в. (1916), генерал-майор. С 18.09.1909 – штаб-офицер для поручений при императорской главной квартире, с 28.11.1915 по 27.04.1917 – командир л-гв. Преображенского полка. После Февральской революции – в отставке, в гражданской войне участия не принимал, умер в Вологодской губ.

²² ...Никольский Владимир Павлович (1873–1960), генерал-майор Генерального штаба (1915), с 14.08.1913 по 30.04.1917 – начальник штаба Отдельного Корпуса Жандармов, позднее – в резерве чинов при штабе Петроградского в/о. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Болгарии.

²³ ...Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), действительный статский советник, член Государственного совета. В 1908–1915 гг. московский губернский предводитель дворянства, в 1914–1915 гг. главноуполномоченный Российского общества Красного Креста по эвакуации во внутренние район империи. С 05.07. по 26.09.1915 – обер-прокурор Святейшего Синода, с 04.12.1916 – председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ. После Февральской революции член Всероссийского Поместного Собора (1917–1918), неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Умер в Костроме.

Григорович²⁴ – морской министр, Сазонов²⁵ – иностранных дел и Кривошеин²⁶ – земледелия, а также и военный министр Поливанов²⁷, принявший большое участие в материальном моем обеспечении. Выходило так, что если бы я вышел в отставку, то мне как командиру отдельного корпуса, полагалась пенсия, по особому докладу военного министра, как вообще командующим войсками, обыкновенно не менее 8000 руб. в год, а т. к. я оставался на службе, то этим самым я как бы терял право на эту пенсию и содержание мое по должности генерала свиты снижалось с 20000 руб. в год, которые я получал, при готовой квартире и экипаже, до 3500 руб., в том числе и квартирные деньги. Поливанов вошел с всеподданнейшим докладом, и министр финансов меня уведомил, что по высочайшему указу за мной сохраняется право, в случае моего выхода в отставку, на получение пенсии 8000 руб., независимо от того, с какой бы должности я в отставку не вышел.

Из всего огромного числа писем и депеш, которые я получил за это время с выражениями сочувствия, я хочу здесь привести одно от моего большого друга А. Н. Вельяминова²⁸, моего товарища еще по корпусу, а затем и по полку, впоследствии бывшего ставропольским губернатором. Это письмо я привожу, т. к. в нем яркой нитью показано общее, царившее в то время настроение в обществе.

«Тощица.

28 августа 1915 г.

Не знаю с чего начать, дорогой мой. Начну вот с чего: если тебе суждено окончить теперь твою служебную карьеру – окончил ты ее блестяще, настолько даже, что тебе можно позавидовать. Теперь во всей стране твое имя синоним величайшего благородства, порядочности и чести. Согласись, что лучшего конца пожелать нельзя. Обнимаю тебя крепко, крепко и горжусь тобой. «Вот каков мой Джунка», – говорю я каждому, и всякий мне на это отвечает: «Передайте ему мой земной поклон».

Но все это прекрасно, а что же, в конце концов, будет от всего этого. Ведь таким путем мы катимся напрямик в пропасть, и уже весьма недалеко находится она от нас. И это в такое время. Знаешь, как-то в голове путается, и совершенно не понимаешь, где же кончается граница возможного и где вступаешь в хаос. В последние дни решавшихся событий я был в Могилеве и совершенно терял голову. Да что же это такое? Чем все это кончится? Общее подавленное настроение прямо ужасающее, начиная с верхов и до самого низа.

Кажется один только Кувака²⁹, со своими лакеями, до чрезвычайности доволен. Другие сидят как в тюрьме; Сережа³⁰ чуть не плачет. Одним словом, есть с чего сойти с ума.

²⁴ ...Григорович Иван Константинович (1853–1930), адмирал (1911), генерал-адъютант (1912), член Государственного совета. С 19.11.1911 по 28.2.1917 – морской министр. После Октябрьского переворота сотрудник Морской исторической комиссии по обобщению опыта мировой войны и боевых действий на море. С 1924 – в эмиграции во Франции.

²⁵ ...Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), тайный советник, гофмейстер, министр иностранных дел, член Государственного совета. С 08. 11.1910 по 07.07.1916 – министр иностранных дел. После 1917 – участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции во Франции.

²⁶ ...Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921), действительный тайный советник, гофмейстер, государственный секретарь, главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915), член Государственного совета. После 1918 – участник Белого движения, в 1920 – председатель «Правительства Юга России» П. Н. Врангеля. С 1920 – в эмиграции во Франции.

²⁷ ...Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), генерал от инфантерии, член Государственного совета. С 13.06.1915 – управляющий делами военного министерства; с 10.09.1915 по 15.03.1916 гг. военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства. После Февральской революции – председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов; после Октябрьской революции – в отставке, подвергался арестам. С лета 1920 – в Красной армии.

²⁸ ...Вельяминов Александр Николаевич (1859–1953), действительный статский советник. С 27.08.1904 по 19.02.1906 – ставропольский гражданский губернатор, в 1915 – в отставке, после 1920 – в эмиграции в Бельгии (Брюссель).

²⁹ Воейков В. Н.

³⁰ Озеров С. С.

³¹ ...Сережа... – имеется в виду Озеров Сергей Сергеевич (1852–1920), генерал-майор Свиты, генерал-лейтенант. В 1915–

Видел Никольского, на которого прямо грустно смотреть. Видел его немного, но и его слов было достаточно.

Что ты теперь будешь делать? Прямо до болезненности хочется тебя видеть. Не зайдешь ли сюда? Ведь теперь ты свободен. Я останусь здесь до 15-го, а потом, если только немцы не очень приблизятся, поеду на месяц в Ялту. Пожертвуй мне несколькими днями, во имя нашей дружбы.

Обнимаю тебя крепко и горжусь тем, что ты мой старый и верный друг и товарищ. Сашук».

Мой прощальный приказ по Корпусу жандармов

9 сентября высочайший приказ об отчислении моем от должности был, наконец, опубликован в правительственном вестнике, и я мог сдать должность командира корпуса. Я обратился, в тот же день, со следующим моим прощальным приказом:

«9 сентября 1915, г. Петроград

Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 290.

Высочайшим указом Правительствующему Сенату, данным 19-го августа сего года, я отчислен от должностей товарища министра внутренних дел и командующего отдельным корпусом жандармов с оставлением в свите его величества и с зачислением меня в списки отдельного корпуса жандармов.

Оставляя ныне занимаемую мной должность командующего Отдельным корпусом жандармов, я невольно оглядываюсь на минувшие два с половиной года со времени моего вступления в командование корпусом.

Вступая в командование корпусом, я в приказе от 6-го февраля 1913 года за № 28 отметил главнейшие руководящие начала, долженствовавшие лечь в основу нашей общей деятельности. Я особенно в нем настаивал на том, что наш корпус входит в состав доблестной русской армии, что налагает на каждого из его чинов обязанность строго следить за своими действиями и поступками, дабы высокое это звание не было умалено.

Исходя из той мысли, что самоотверженность и преданность корпуса престолу и Родине, доказанная всем его историческим прошлым, находится вне сомнения, я призывал, в то же время, всех чинов его в борьбе с противогосударственными и противообщественными силами пользоваться с особыми предосторожностями, предоставленными им исключительными полномочиями, ибо, чем обширнее власть и права, доверенные монархом какому-либо лицу или учреждению, тем бережнее следует ими пользоваться в жизни. Наступившие военные события, к глубокому моему нравственному удовлетворению, ярко подчеркнули, насколько чины корпуса живо восприняли выдвинутые в моем приказе качества, всегда связанные с высоким званием русского офицера и солдата.

Несмотря на тяжелые условия несения службы, офицеры и унтер-офицеры корпуса явили на театре войны целый ряд примеров храбрости и самоотвержения. Погибший от ран ротмистр Гюббенет³², раненые и контуженные подполковник фон Мейер³³, ротмистры Принцев³⁴ и Евецкий³⁵, захваченный в своем районе в плен, ротмистр Степанов³⁶ с 7 унтер-офицерами, убитый унтер-офицер Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог Иван Снетюк³⁷ и управления Средне-Азиатской

---

³² ...Гюббенет (? – 1915), ротмистр, помощник начальник Границкого отделения Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог на пограничном пункте.

³³ ...Мейер фон, подполковник Отдельного корпуса жандармов.

³⁴ ...Принцев, ротмистр Отдельного корпуса жандармов.

³⁵ ...Евецкий, ротмистр Отдельного корпуса жандармов.

³⁶ ...Степанов, ротмистр Отдельного корпуса жандармов.

³⁷ ...Снетюк Иван, унтер-офицер Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог.

жел. дор. Козьма Курилов³⁸, тяжело раненый под Перемышлем, и.д. вахмистра Соломин³⁹, вместе с другими 14 ранеными унтер-офицерами, наконец 11 унтер-офицеров, награжденных георгиевскими крестами, и 89 унтер-офицеров, получивших георгиевские медали при мало заметных условиях своей тяжелой работы при необходимости оставлять эвакуируемую местность одними из последних, – разве не свидетельствуют о высоких качествах храбрости и самоотверженности?

А сколько таких же героев долга, работавших в самых тяжелых условиях тыла и эвакуации, не выдержали тяжести этой непрерывной, напряженной работы и скончались на почве переутомления и в тяжких страданиях. Вспомним имена полковника Веденяпина⁴⁰, подполковника Григорьева⁴¹, ротмистра Денисова⁴² и многих других офицеров и унтер-офицеров, память о которых не только сохранится в рядах корпуса, но и будет служить примером честного и благородного служения чинов корпуса своему царю и Родине.

С особой отрадой я могу отметить здесь, как в тесном взаимодействии с доблестными нашими геройскими армиями, корпус жандармов еще раз оправдал доверие державного своего основателя, включившего корпус в ее ряды.

Не могу не отметить и почетной, но чрезвычайно ответственной обязанности чинов корпуса по охранению путей следования его императорского величества.

Во время войны эта священная обязанность лежала почти исключительно на чинах корпуса жандармов; выполнена она была безупречно с полным сознанием долга и важности возложенной задачи; доказательством этому служат четыре высочайшие благодарности, которых я удостоился за год войны за отличный порядок во время высочайших путешествий.

Я отношу этот ряд монарших милостей исключительно к рвению, усердию и разумному исполнению своих обязанностей чинами корпуса.

Обращаясь к деятельности корпуса внутри страны, вне театра войны, я не могу не высказать также глубокой благодарности чинам корпуса, проявившим должную зоркость и строгость в борьбе с преступными силами и, в то же время, не преступавшими пределов необходимости. Мне отрадно видеть, что в этой именно отрасли службы, за время моего командования корпусом, офицерские чины всегда памятовали о том высоком значении мундира, достоинство которого они обязаны всегда поддерживать с честью.

Его императорскому величеству благоугодно было оказать мне ныне высокую милость зачислением в списки корпуса.

Оставляя командование корпусом, к которому я искренно привязался, я нахожу глубокое утешение в том, что связь моя с ним, благодаря этой милости государя – даровании мне мундира – не прерывается.

Да поможет вам всем Господь нести и впредь, с тем же самоотвержением и благородством, ваши труды на благо нашей Великой Родины.

---

³⁸ ...Курилов Кузьма, унтер-офицер Среднеазиатского жандармского полицейского управления железной дороги.

³⁹ ...Соломин, и.д. вахмистра Отдельного корпуса жандармов.

⁴⁰ ...Веденяпин, полковник Отдельного корпуса жандармов.

⁴¹ ...Григорьев, подполковник Отдельного корпуса жандармов.

⁴² ...Денисов, ротмистр Отдельного корпуса жандармов.

Какие бы невзгоды и испытания не выпадали на вашу долю, никогда не забывайте, что вы члены русской армии и носите в себе те высокие, благородные качества, которыми особенно прославила себя наша геройская армия в настоящую тяжелую, жестокую войну.

Более чем двухлетняя служба во главе корпуса навсегда сохранится в моей памяти, и все интересы корпуса будут всегда близкими моему сердцу, я буду страдать от всяких невзгод, выпадающих на долю корпуса, и радоваться его успеху.

Вспоминая о лицах, деливших со мной служебные труды, я считаю своим нравственным долгом обратиться с особою благодарностью к ближайшему моему сотруднику – начальнику штаба корпуса Генерального штаба генерал-майору Никольскому.

Вступив в должность начальника штаба полгода спустя после моего назначения, генерал-майор Никольский был для меня всегда драгоценным сотрудником. Его исключительные дарования, редкое знание дела, неутомимая трудоспособность и высокие черты характера являлись для меня надежной и лучшей опорой в трудах по командованию корпусом.

От всего сердца шлю дорогому, глубокоуважаемому Владимиру Павловичу мои самые искренние пожелания в дальнейшей его службе.

Благодарю от души его помощника генерал-майора Правикова⁴³ и всех чинов главного управления и штаба, на долю которого в эти годы выпала особенно напряженная работа на пользу всего корпуса.

Начальникам губернских и уездных управлений, жандармских полицейских управлений железных дорог, командирам дивизионов, начальникам крепостных, портовых и Одесской городской конной команд, помощникам начальников губернских управлений, начальникам отделений и всем гг. офицерам корпуса шлю самую горячую благодарность за их ревностную усердную службу за время моего командования.

Не могу не отметить при этом особо тяжелую службу, в условиях боевого времени, губернских жандармских управлений Привислинских губерний и особенно службу Варшавского жандармского полицейского управления ж.д., протекавшие во время войны при особо тяжелых и чисто боевых условиях – шлю гг. офицерам во главе с их начальниками: генерал-лейтенантом Клыковым⁴⁴ и полковником Петровым⁴⁵ – мою особую признательность.

Отметив безупречную деятельность офицерского состава корпуса, я считаю своим долгом обратиться с самой искренней благодарностью и к молодцам нижним чинам корпуса. Об их службе я сохраню самую отрадную память, она проникнута была всегда теми свойствами, которые отличают вообще русского солдата – преданностью престолу, любовью к Родине, честному исполнению долга, неустрашимостью и неутомимостью в работе.

Да благословит Господь дальнейшие труды ваши, чины дорогого, родного мне корпуса, и да поможет Он вам.

---

⁴³ ...Правиков Дмитрий Александрович (1863–1941), генерал-майор (1915). С 26.09.1913 по 22.04.1916 – помощник начальника штаба Отдельного корпуса жандармов, позднее – в резерве чинов при штабе Московского ВО. С 1917 – в эмиграции во Франции.

⁴⁴ ...Клыков Митрофан Яковлевич (1847–1918), генерал-лейтенант (1913), с 02.12.1914 – помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. После Февральской революции – в отставке.

⁴⁵ ...Петров, начальник Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог.

Покидая вас, я отправляюсь в действующую армию со спокойной душой и сознанием, что оставляю моему заместителю корпус, крепко спаянный со всей русской армией всеми ее благородными традициями и готовый, несмотря ни на какие испытания, честно выполнить лежащий на нем долг.

Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».

Подписав этот приказ, обойдя всех чинов штаба, отслужив молебен, поблагодарив всех за прекрасную дружную работу, простившись с начальником штаба, я сел последний раз в свой автомобиль и отправился на новую свою квартиру, где все уже было готово, благодаря заботам моей сестры⁴⁶.

Новая моя квартира была чудная, небольшая, уютная; так приятно было очутиться у себя, отдохнуть душой, почувствовать отсутствие всякой ответственности, удалиться от интриг.

---

⁴⁶ ...моей сестры... – имеется в виду Джунковская Евдокия Федоровна (1856–1935), фрейлина императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны. С 1908 состояла при великой княжне Марии Павловне. В 1915 – председательница Общины Св. Евгении Петроградского комитета попечения о сестрах милосердия Красного креста, председательница Царскосельского комитета Российского общества Красного Креста.

Моя поездка в Ставку к генералу Алексееву

Сдав корпус, явившись министру князю Щербатову⁴⁷, как шефу жандармов, и сделав визиты всем числившимся в списках корпуса жандармов генералам, я поехал в Ставку, чтобы получить все нужные указания от начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева⁴⁸ по поводу моего отправления на фронт.

Алексеев меня принял очень любезно и дал мне прекрасный совет, за который я ему до сих пор страшно благодарен. Приняв во мне большое участие, Алексеев посоветовал мне проситься на фронт не в гвардию, а в армию, лучше всего в какие-нибудь сибирские части, что я там гораздо скорее и гораздо серьезнее изучу боевой строй, где будет посрее, но и поделнее и где я, по своему характеру, принесу больше пользы и мне лично будет легче, т. к. я буду подальше от солнца и всяких интриг, не буду возбуждать зависти. Он долго со мной говорил и, в конце концов, тронул очень своим вниманием. Я предоставил ему выбор фронта, он назначил меня в распоряжение главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта⁴⁹. «А там дальше, – сказал он, – будет зависеть от этого последнего».

---

⁴⁷ ...Щербатов Николай Борисович, (1868–1943), князь, камергер (1909), действительный статский советник (1913), член Государственного совета от полтавского земства. С 05.06. по 26.09.1915 – управляющий Министерством внутренних дел. После Октябрьской революции – в эмиграции в Германии.

⁴⁸ ...Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916). С 19.07.1914 – начальник штаба Юго-Западного Фронта; с 22.03. по 04.08.1915 – Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с 04.08. по 18.08.1915 – Западного фронта. С 18.08.1915 по 02.03.1917 – начальник штаба Верховного главнокомандующего; с 10.11.1916 по 17.02.1917 – в отпуске по болезни. С 11.03.1917 – вр. и. о. Верховного главнокомандующего; с 02.04. по 22.05.1917 – Верховный главнокомандующий, позднее – в распоряжении Временного правительства. С 11.09.1917 – в отставке. Участник Белого движения, скончался от болезни в Екатеринодаре.

⁴⁹ ...Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926), генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С 20.08.1915 – главнокомандующий армиями Западного Фронта. После Февральской революции 11.03.1917 снят с должности и уволен от службы за болезнью с мундиром и пенсией. После Октябрьского переворота арестовывался в 1918, позднее жил в Смоленске и Верее как частное лицо.

Выбор меня на новое двухлетие председателем Императорского воздухоплавательного Общества в Москве

Заехав к моему другу Вельяминову, который жил в своем имении, недалеко от Могилева, я довольный, радостный, вернулся в Петроград, где нашел нижеследующую депешу, глубоко меня тронувшую:

«Совет Императорского московского общества воздухоплавания в сегодняшнем заседании своем, высоко ценя Ваше сердечное отношение и всегда живой интерес к делам общества, единогласно постановил просить Вас, дорогой Владимир Федорович, не отказать принять должность председателя общества и на следующее двухлетие, и вместе с сим совет выражает Вам свое глубокое уважение, шлет вам большой поклон. Граф Муравьев».

Я ответил письмом словами благодарности за оказанную мне честь и доброе сердечное отношение.

Кончина П. Н. Дурново

11 сентября скончался П. Н. Дурново⁵⁰, бывший министр внутренних дел в 1905 году, известный лидер правого крыла Государственного Совета. Я о нем не раз писал в своих воспоминаниях. Ко мне он всегда относился весьма искренно и сердечно, хотя в отношении ведения дел в Департаменте полиции мы с ним расходились во взглядах.

Когда же меня ушли, он очень близко к сердцу принял это известие, проявив ко мне большое участие. Я не переставал бывать у него запросто, все время моей службы в Петрограде, и беседа с ним доставляла мне всегда большое удовлетворение здравостью его суждений. Это был большого государственного ума человек. Последние события его глубоко удручали, он ничего хорошего впереди не видел, считал, что все катится по наклонной плоскости и остановить этот катящийся ком могло только какое-нибудь чудо.

---

⁵⁰ ...Дурново Петр Николаевич (1843–1915), статс-секретарь, министр внутренних дел, член Государственного совета. С 23.10.1905 по 22.04. 1906 – министр внутренних дел. В 1906–1915 гг. лидер группы правых в Государственном Совете. Скончался 11 сентября 1915.

Отчисление Юсупова от должности главного начальника Московского военного округа

15 сентября последовал высочайший приказ об отчислении князя Юсупова⁵¹ от должности главного начальника Московского военного округа и назначение на его место генерала Мрозовского⁵², таким образом деятельность Юсупова по Москве окончилась. Думаю, что этому отчасти способствовало сенаторское расследование, которое Крашенинников⁵³ вел с большой энергией. В результате расследования, I-й департамент Сената единогласно постановил назначить над бывшим московским градоначальником А. А. Адриановым предварительное следствие по ст. 341 Положения о наказаниях о бездействии власти и постановление это представить на благовоззрение государя императора. Дальнейшего хода дело не получило.

---

⁵¹ ...Юсупов Феликс Феликсович (граф Сумароков-Эльстон, старший, 1856–1928), князь, генерал-адъютант (1915), генерал-лейтенант (1915). С 05.05.1915 по 19.06.1915 главный начальник Московского в/о и до 03.09.1915 – главноначальствующий над Москвой. Позднее числился по гвардейской кавалерии. После Октябрьской революции выехал в Крым, с 1919 – в эмиграции в Италии (Рим).

⁵² ...Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934), генерал от инфантерии (1913), Переименован в генерала от артиллерии (1914). С 21.05.1912 – командир Гренадерского корпуса, с 02.09.1915 по 10.03.1917 – командующий войсками Московского в/о. После Февральской революции уволен от службы. Участник Белого движения, с 1920 – эмиграции во Франции (Ницца, Париж)

⁵³ ...Крашенинников Николай Сергеевич (1857–1918), тайный советник, сенатор, член Государственного совета. В июне 1915 возглавил расследование о произошедших в Москве беспорядках. В феврале 1917 арестован и заключен в Петропавловскую крепость, позднее освобожден. Расстрелян в октябре 1918 большевиками в Пятигорске как заложник.

Кончина генерал-адъютанта Д. С. Арсеньева

16-го, в Царском Селе, хоронили генерал-адъютанта Арсеньева⁵⁴, бывшего воспитателя великих князей Сергея⁵⁵ и Павла Александровичей⁵⁶, а затем директора Морского училища, каковую должность Арсеньев занимал довольно продолжительное время. Я его хорошо знал, т. к. он часто бывал у великого князя Сергея Александровича и в Москве, и в Ильинском, проживая иногда неделями. Это был очень образованный человек, но производивший неприятное впечатление своей раболепностью.

---

⁵⁴ ...Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915), генерал-адъютант (1896), вице-адмирал (1887), член Государственного совета. Участник Крымской (1854–1856) и русско-турецкой (1877–1878) войн, подавления польского восстания 1863. С 1864 по 1885 гг. состоял сначала воспитателем, а затем попечителем великих князей Сергея и Павла Александровичей. В 1882–1895 гг. начальник Николаевской морской академии и директор Морского училища, преобразованного под его управлением в Морской корпус. Умер 14 сентября 1915.

⁵⁵ ...Сергея... – Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, пятый сын Александра II, погиб от бомбы, брошенной террористом Иваном Каляевым.

⁵⁶ ...Павел Александрович (1860–1919), великий князь, шестой сын Александра II. Расстрелян большевиками в Алапавске.

Уход Самарина и князя Щербатова

20 сентября произошли новые печальные события – ушел Самарин, замененный Волжиным⁵⁷. Ушел Щербатов, замененный А. Н. Хвостовым⁵⁸, членом Думы, выступавшим против меня в заседании 3 августа.

Эти перемены произвели удручающее впечатление на всех, они послужили доказательством, что в честных людях не нуждаются.

Ничего хорошего все это не предвещало. Товарищем министра внутренних дел назначен был сомнительный Белецкий, командиром Корпуса жандармов – ярославский губернатор, граф Татищев⁵⁹, переименованный для сего в генерал-лейтенанты. Когда этот последний приехал ко мне, еще до выхода приказа об его назначении, счастливый и радостный, я прямо ему сказал, что не поздравляю его, т. к. его роль командира Корпуса будет довольно постыдная – ему придется быть исполнителем приказаний Белецкого, а если он попытается хоть немного противоречить компании Хвостова с Белецким, то они его также быстро уволят, как и назначили.

Он очень был смущен всем, что я ему сказал, и у него вырвались слова: «Так, значит, ты считаешь, что я просто продался за блестящее положение и содержание?» Я промолчал. Он увлекся этим положением, не думая о последствиях и, приняв эту должность, сам себя погубил ни за что.

Брюн де Сент-Ипполит⁶⁰ ушел, как я говорил уже ранее, на его место назначен был Моллов⁶¹, прокурор Одесский судебной палаты, человек недурной, мечтавший только о карьере.

Очень все это было грустно, хотелось поскорее от всего этого уехать.

Уход Самарина повлек, конечно, за собой уход Истомина⁶², который, естественно, при Волжине остаться служить не мог. Волжин представлял собой слишком отрицательный тип без устоев и принципов. К счастью, Истомину удалось получить прекрасное место директора канцелярии и наместника на Кавказе, что было и для великого князя большой находкой – получить талантливого, знающего отчасти и местные условия, и прекрасного, честнейшего работника.

---

⁵⁷ ...Волжин Александр Николаевич (1860–1933), действительный статский советник (1910), член Государственного совета. С 30.09.1915 – и.д. обер-прокурора Святейшего Синода, с 01.01. по 07.08.1916 – обер-прокурора Святейшего Синода. С 1918 – в эмиграции, последние годы – во Франции, в Ницце.

⁵⁸ ...Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), камергер, действительный статский советник, член Государственного совета. С 26.09.1915 по 03.03.1916 – министр внутренних дел. Расстрелян во время красного террора.

⁵⁹ ...Татищев Дмитрий Николаевич (1867–1919), граф, шталмейстер (1912), генерал-лейтенант (1916). С 07.06.1909 по 20.10.1915 – ярославский гражданский губернатор. С 20.10.1915 – командующий Отдельным корпусом жандармов, 06.12.1916 – утвержден в должности. После Февральской революции в отставке. Расстрелян большевиками как заложник.

⁶⁰ ...Брюн де Сент-Ипполит Валентин Анатольевич (1871–1918), тайный советник, из дворян французского происхождения. С 03.02.1914 по 04.10.1915 – директор Департамента полиции, затем сенатор Судебного департамента.

⁶¹ ...Моллов Русчу (Гавриил) Георгиевич (1867–1925), действительный статский советник. Болгарин, принял русское подданство, землевладелец Полтавской губернии. С 06.09.15 по 23.11.15 – директор Департамента полиции позднее, в 1916 – член Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия министерства торговли и промышленности. Участник Белого движения, после 1920 – в эмиграции в Болгарии.

⁶² ...Истомин Петр Владимирович (1877 – после 1928), с 10.08 по 17.10.1915 – товарищ обер-прокурора Св. Синода, позднее директор канцелярии наместника на Кавказе. После Февральской революции остался в России, неоднократно арестовывался.

Поездка моя в Москву на Дворянское собрание

22 сентября в Москве открылось чрезвычайное Дворянское собрание, на которое и я получил приглашение как дворянин Московской губернии. Собрание это было создано для выборов губернского предводителя и выборщиков в Государственный Совет⁶³.

Я приехал в Москву накануне, 21-го числа, и первый раз остановился не в генерал-губернаторском доме, а в гостинице «Националь». Оказалось, что в той же гостинице жили и великий князь Михаил Александрович⁶⁴ со своей женой, урожденной Шереметьевской⁶⁵. Днем я нашел у себя записку его адъютанта⁶⁶, что великий князь приглашает меня на другой день, к завтраку.

Т.к. на другой день было открытие Дворянского собрания, то я, к сожалению, должен был извиниться перед великим князем, что не могу воспользоваться его любезным приглашением. Тогда великий князь очень любезно поручил мне передать, что просит зайти к нему около 7 часов вечера, т. к. очень хочет меня видеть.

В 7 час. я был у его высочества, который меня очень любезно встретил и сказал, что хотел непременно меня повидать, чтобы выразить глубокое сочувствие и сожаление по поводу отчисления меня от должностей, занимая кои, я принес столько пользы государю и родине, что ему очень прискормно, что все это так произошло и, питая глубокое уважение ко мне, ему бы хотелось помочь, хотя бы чем-нибудь, что он едет в Царское Село и затем в Ставку, увидит государя и сможет ему передать все, чтобы я не понимал, что он просит меня откровенно высказать все мои желания.

Я глубоко был растроган такой добротой великого князя, при этом он смотрел на меня такими искренними честными глазами, напомнившими мне глаза Александра III⁶⁷, что я, не без волнения, поблагодарив его очень за добрые слова, сказал: «У меня, ваше высочество, нет никакой просьбы к его величеству, все, что я просил, государь уже исполнил. Я буду очень счастлив, если ваше высочество передадите его величеству мою глубокую благодарность за его милостивое разрешение ехать на фронт, это было моим заветным желанием и оно исполнено, другой просьбы у меня нет».

Тогда великий князь спросил еще, не нуждаюсь ли я материально? Я ответил, что я получил уже пособие из сумм министерства внутренних дел, получу и полагающиеся мне подъемные, которых мне будет достаточно, в будущем же я обеспечен пенсией.

Вскоре в комнату вошла жена великого князя, я ее видел в первый раз, великий князь меня ей представил. Она мне показалась красивой, высокого роста, только неприятная какая-то морщинка у рта делала лицо ее недобрый. Она присела, предложила мне несколько ничего не значащих вопросов, потом посмотрела на часы и сказала мужу, что им пора ехать. Великий

⁶³ ...выборщиков в Государственный Совет – имеется в виду новая система формирования верхней палаты российского парламента – Государственного совета (с 23.04.1906), при которой половина членов назначалась, а другая избиралась по 5 разрядам (куриям): от православного духовенства – 6 человек; от дворянских обществ – 18 человек; от губернских земских собраний – по одному от каждого; от академии наук и университетов – 6 человек; от совета торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ – 12 человек; кроме того 2 человека избирались от Финляндского сейма. Выборы были как прямыми (от губернских земских собраний) так и двухступенчатыми.

⁶⁴ ...Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, младший сын императора Александра III, брат Николая II. В 1914–1916 – начальник Кавказской конной («Дикой») дивизии, с 04.02.1916 по 19.01.1917 – командир 2-го кавалерийского корпуса; позднее – генерал-инспектор кавалерии. 3 марта 1917 отказался принять российский престол до решения Учредительного собрания. Расстрелян большевиками в Алапаевске.

⁶⁵ ...урожденной Шереметьевской – Вульферт (Брасова) Наталья Сергеевна, также известная как княгиня Романовская-Брасова (1880–1952), морганатическая супруга великого князя Михаила Александровича.

⁶⁶ ...его адъютанта – вероятно, личный секретарь в. кн. Михаила Александровича Джонсон Николай (Брайан) Николаевич (1878? – 1918).

⁶⁷ ...Александр III (1845–1894), сын Александра II, с 1 марта 1881 – император.

князь опять взглянул на меня своими добрыми ласковыми глазами, простился со мной, пожелав мне счастья на фронте, и сказал, что передаст брату весь наш разговор, затем прибавил, что он просит, если мне что-нибудь понадобится, сейчас же ему написать совершенно откровенно.

Я вышел от него совершенно растроганный таким незаслуженным вниманием с его стороны. На другой день, когда я вернулся из собрания, я нашел у себя на столе его визитную карточку.

22-го, к открытию Дворянского собрания, я отправился в дом дворянства, где был очень радушно встречен дворянами; сразу я почувствовал себя как бы среди близких родных.

Собрание было открыто графом Муравьевым в час дня, после чего, по предложению председательствовавшего, дворяне перешли в депутатский зал, где состоялось частное совещание. Среди дворян был и Самарин, приехавший из Петрограда, об его уходе с должности обер-прокурора официально еще не было известно.

На этом совещании, после дебатов, длившихся в течении нескольких часов, было достигнуто почти полное единение по вопросу о тексте всеподданнейшей телеграммы государю, основной мыслью которой было, что какие бы еще не суждено России претерпеть испытания, она не должна прекращать войны до полного победного конца. Телеграмма эта была следующего содержания:

«Великий государь!

В самом начале войны, когда дерзкий враг только что бросил России свой ничем неоправдываемый вызов, Вы торжественно заявили, что война не будет прекращена, пока в пределах родной земли останется хотя бы один неприятельский воин. В недавние дни и при обстоятельствах, неблагоприятно сложившихся для России, вы признали своевременным еще раз, с тою же определенностью, заявить о своей непреложной воле довести войну до победного конца.

Чувством мужественной радости и твердой решимости отозвались эти слова ваши в сердцах московского дворянства, заодно со всею Россией.

Да, государь, какие бы еще не суждено было России претерпеть испытания, она не вложит свой меч в ножны, пока в конец не истощит врага своей необъятной силой.

Одно лишь приведет Россию к победе – это непоколебимая вера в свое высокое призвание и в те великие духовные начала, которым русский народ должен служить. В этой вере, по примеру нашего православного воинства, пусть черпают силы все русские люди.

Забыв все внутренние распри, отложив на время заботу о каких-либо коренных государственных преобразованиях, во многом без сомнений, необходимых, но теперь несвоевременных, весь русский народ должен слиться для общей дружной работы во имя единой цели – победы над врагом.

Но это народное единение было бы неполно и малоуспешно, если бы оно не встретило поддержки и содействия со стороны власти. Верная и преданная православной Церкви, свободная от всяких пагубных влияний и соблазнов, твердая, сильная своим внутренним единством и быстрая в своих действиях государственная власть должна создавать такие условия, которыми устранялись бы всякие справедливые поводы для общественного недовольства и народных волнений и облегчалась бы непрерывная, одушевленная любовью к Родине, работа народных сил.

Такова наша мысль, государь.

И мы верим, что это единение осуществится и что недалек уже тот светлый день, когда доблестное воинство русское, ныне под верховным водительством вашего величества, столь мужественно отстаивающее каждую пядь родной земли, с помощью Божией, сломит упорного врага и заставит его сложить оружие перед русским царем и его верными союзниками».

В пятом часу дня и.о. губернского предводителя, московский уездный князь В. В. Голицын⁶⁸, открывая собрание, прочел по поручению депутатского собрания выработанный вышеуказанный текст всеподданнейшей телеграммы, встреченный долгими громкими аплодисментами и криками «ура». Резолюция была принята единогласно, после чего собрание перешло к рассмотрению ряда докладов: об учреждении лазарета и госпиталя московского дворянства, с кратким отчетом о деятельности их, о деятельности общедворянской организации, об исходатайствовании беспроцентной ссуды на покрытие расходов этой организации для дальнейшей ее деятельности в размере 1 млн руб. и, наконец, по вопросам, связанным с оставлением А. Д. Самариним должности губернского предводителя.

Перед началом рассмотрения этого доклада А. Д. Самарин оставил, на время, зал собрания. Прежде всего председательствовавший князь Голицын доложил, что в виду исключительных условий переживаемого времени весьма важно иметь избранного губернского предводителя дворянства, а не временно исполняющего его должность, и т. к. Высочайшее соизволение на производство выборов до конца текущего трехлетия последовало, то предложил собранию произвести выборы двух кандидатов на эту должность, что и было единогласно принято всеми дворянами.

Затем, перейдя к вопросу об ознаменовании деятельности А. Д. Самарина, собрание, по предложению графа С. Д. Шереметева⁶⁹, постановило возбудить в установленном порядке ходатайство об изменении § 13 устава института московского дворянства включением в состав правления его вторым пожизненным платным членом (первым состоял граф С. Д. Шереметев) А. Д. Самарина. Затем собрание постановило поместить портрет А. Д. Самарина в залах собрания и поручить собранию предводителей и депутатов дворянства представить ближайшему очередному губернскому дворянскому собранию доклад о способах выражения московским дворянством благодарности А. Д. Самарину за его плодотворную деятельность на пользу дворянства.

Вошедшему в этот момент обратно в зал собрания А. Д. Самарину присутствующие устроили шумную овацию.

А. Д. Самарин ответил следующими словами:

«Низко кланяюсь московскому дворянству и сердечно благодарю за то внимание, которое оно мне оказало. Оказанное внимание много выше моих заслуг. Мне отраднее видеть эти видимые знаки внимания, но еще отраднее чувствовать ту духовную связь, которая существует между мною и московским дворянством. Сознание этой связи всегда давало мне силы к работе, теперь же эта связь даст мне силы нести мою новую службу государю, которую я буду нести как верноподданный не за страх, а за совесть».

Речь А. Д. Самарина была покрыта громкими аплодисментами. По рассмотрении докладов состоялся перерыв, после чего собрание приступило к выборам. Было уже 7 часов вечера.

Прежде всего, выбраны были в дворянскую опеку А. Т. Обухов⁷⁰ и Н. А. Осетров⁷¹, затем приступили к подаче записок для определения кандидатов в выборщики членов Государственного Совета. Когда все стали вписывать в записки своих кандидатов, я услышал свою фамилию, тем не менее, я был очень далек от мысли, что моя кандидатура в Государственный Совет, как некоренного дворянина Московской губернии, возможна, но все же я несколько взволновался. Когда же, по данным запискам, начали читать фамилии, мое волнение росло все больше

⁶⁸ ...Голицын Владимир Владимирович (1879–1969), князь, камер-юнкер, губернский секретарь. В 1914–1917 гг. помощник московского уездного предводителя дворянства. После 1917 остался в России, подвергался репрессиям.

⁶⁹ ...Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф, обер-егермейстер (1904), действительный тайный советник, член Государственного совета (1906–1917) русский общественный деятель, историк, коллекционер.

⁷⁰ ...Обухов Александр Трофимович (1861–1929), статский советник, земский начальник 2-го участка Московского уезда.

⁷¹ ...Осетров Николай Александрович (? – 1935), действительный статский советник, столичный почетный мировой судья. После октябрьской революции в эмиграции во Франции (Париж).

и больше – в результате я получил 120 записок, граф П. С. Шереметев⁷² – 112, Базилевский⁷³ – 20 и затем немногие голоса получили ряд других лиц.

Как только окончился подсчет записок, я услышал голос князя Голицына, обращенный ко мне: «Не угодно ли вам баллотироваться?»

Страшно взволнованный, я вышел из рядов дворян – гром аплодисментов раздался в зале, принявший вид грандиозной манифестации. Меня это еще более смутило.

Я был до слез тронут таким отношением, но понимал отлично, что дворяне хотели этим подчеркнуть сочувствие по моему адресу вследствие отчисления моего от должностей, и мне было несколько неприятно быть предметом демонстрации. Я боялся, как бы это не было учтено государем как выражение протеста и не возбудило недовольства к московскому дворянству.

Когда наступила тишина, я обратился к собранию со следующими словами:

«От всей души благодарю московское дворянство за оказанную мне высокую честь баллотироваться в выборщики Государственного Совета. Такое внимание московского дворянства трогает меня до глубины души, особенно в настоящий момент, и, особенно, ввиду сердечной связи моей с московским дворянством. Сердечное отношение ко мне дворянства еще недавно выразилось в чествовании меня при оставлении мною должности московского губернатора и в занесении моего имени в родословную книгу московского дворянства. Настоящее предложение доказывает, что за время моей службы в Петрограде связь эта не порвалась. Примите от меня самую душевную благодарность и мой низкий поклон за внимание ко мне, проявленное в такую минуту и доставившее мне такую радость. Этот день будет одним из самых отрадных в моей жизни. И я всегда буду ценить расположение ваше ко мне».

Аплодисменты прервали на этом мою речь. Когда опять все смолкло, я продолжал:

«Но мне все-таки приходится отказаться от чести выполнить волю московского дворянства. Я не считаю себя вправе баллотироваться. С высочайшего соизволения, я назначен уже на Западный фронт и, при всем желании, я не мог бы даже выполнить обязанности выборщика в Государственный Совет. Но, отправляясь в Действующую армию, я всегда с особенной отрадой буду вспоминать сегодняшний день, и на поле брани буду стараться оказаться достойным той высокой чести, которую вы сегодня мне оказали».

Зал огласили криками: «Просим, просим, просим».

Я опять стал отказываться, говоря, что в виду скорого отъезда, даже обязанностей выборщика я не смогу выполнить.

Но зал не унимался, голоса «просим, просим» продолжали раздаваться еще с большей силой, среди этих голосов выступил П. А. Тучков⁷⁴, заявляя, что члены Государственного Совета избираются на девять лет, что будет еще много времени для исполнения мною этих обязанностей, если меня изберут.

Наконец, видя настойчивость собрания, мне стало казаться уже неприличным отказываться, и я дал свое согласие. Гром аплодисментов раздался в зале.

Граф П. С. Шереметев тоже согласился баллотироваться, остальные отказались.

При баллотировке шарами я получил 173 голоса против 24-х, граф Шереметев 160 против 37.

Когда умолкли вновь раздавшиеся аплодисменты, я от всего сердца поблагодарил еще раз московских дворян и попросил меня извинить, если бы обстоятельства военного времени

---

⁷² ...Шереметев Павел Сергеевич (1871–1943), граф, коллежский советник (1906), камергер (1910), русский общественный деятель, историк и художник. В 1914–1916 гг. состоял в ополчении. После Октябрьской революции до 1927 года был заведующим музеем-усадьбой Остафьево.

⁷³ ...Базилевский Петр Александрович (1855–1920), действительный статский советник (1910). В 1905–1914 гг. предводитель дворянства Московского уезда, с сентября 1915 – предводитель дворянства Московской губернии.

⁷⁴ ...Тучков Павел Александрович (1862–1918), камергер, действительный статский советник. В 1914–1917 – член Московского губернского комитета помощи раненым воинам.

не дали бы мне возможности присутствовать на окончательных выборах в Государственный Совет.

Затем было приступлено к выборам кандидатов губернского предводителя дворянства.

По традиции князь В. В. Голицын сделал предложение баллотироваться всем бывшим предводителям, обратился он и к А. Д. Самарину. Когда только произнесено было его имя, бурные аплодисменты раздались в зале, он пытался начать говорить, но аплодисменты гремели долго, не давая ему этой возможности.

Наконец когда немного затихло, он, видимо растроганный, сердечно благодарил собрание и произнес твердым голосом: «В должности, которую я ныне занимаю, по закону не допускается совместительства».

После него П. А. Базилевский на предложенный вопрос отвечал, что он горячо благодарит дворянство за оказанную ему честь. «Всецело разделяя те взгляды и мысли, которые были выражены дворянством в прочитанной сегодня всеподданнейшей телеграмме, – говорил П. А. Базилевский, – считаю возможным согласиться на баллотировку. Я ясно сознаю тяжесть задачи, которую предлагают возложить на меня, но в переживаемое время никто не может отказаться от общественной работы, которая считается необходимой и полезной».

При баллотировке П. А. Базилевский был избран кандидатом на должность губернского предводителя дворянства 161 избирательным шаром против 36 неизбирательных. Объявление результатов выборов встречено было долгими аплодисментами.

По избрании П. А. Базилевского, дворянам предложено было разойтись по уездным столам и наметить второго кандидата на должность губернского предводителя, за отказом баллотироваться всех опрошенных лиц.

После совещания за уездными столами председателем было заявлено, что дворяне решили просить серпуховского предводителя дворянства П. А. Янова⁷⁵ баллотироваться в кандидаты на должность губернского предводителя. П. А. Янов дал согласие на баллотировку и был избран вторым кандидатом большинством 141 голоса против 56-ти.

Чрезвычайное губернское дворянское собрание объявлено было закрытым.

---

⁷⁵ ...Янов Платон Алексеевич, камергер, действительный статский советник. В 1914–1916 гг. предводитель дворянства Серпуховского у. Московской губ.

Статья члена Думы кадета Маклакова в Русских Ведомостях

В конце сентября в «Русских ведомостях»⁷⁶ в Москве появилась статья известного кадета, члена Думы В. А. Маклакова⁷⁷, под заглавием «Трагическое положение», привожу ее как очень смелую и отчасти соответствующую переживаемому тогда моменту:

Трагическое положение

Развитие техники создало это положение. В таком остром виде его не могло быть ни прямо, ни в аллегории. Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге: один неверный шаг, и вы безвозвратно погибли. В автомобиле – близкие люди, родная мать ваша.

И вдруг вы видите, что ваш шофер править не может, потому ли, что он вообще не владеет машиной на спусках, или он устал и уже не понимает, что делает, но он ведет к гибели и вас и себя, и, если продолжать ехать, как он, перед вами – неизбежная гибель.

К счастью, в автомобиле есть люди, которые умеют править машиной; им надо поскорее взяться за руль. Но задача пересест на полном ходу нелегка и опасна; одна секунда без управления, – и автомобиль будет в пропасти.

Однако выбора нет – вы идете на это.

Но сам шофер не идет. Оттого ли, что он ослеп и не видит, что он слаб и не соображает, из профессионального самолюбия или упрямства, но он цепко ухватился за руль и никого не пускает.

Что делать в такие минуты?

Заставить его насильно уступить свое место. Но это хорошо на мирной телеге или, в обычное время, на тихом ходу, на равнине, тогда это может оказаться спасением. Но можно ли делать это на бешеном спуске, по горной дороге. Как бы вы ни были и ловки и сильны, в его руках фактически руль, он машиной сейчас управляет, и один неверный поворот или неловкое движение этой руки, и машина погибла. Вы знаете это, но и он тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием: «Не посмеете тронуть».

Он прав: вы не посмеете тронуть; если бы даже страх или негодование вас так охватили, что, забыв об опасности, забыв о себе, вы решились силой выхватить руль, пусть оба погибнем, – вы остановитесь; речь идет не только о вас, вы везете с собой свою мать, ведь вы и ее погубите вместе с собой, сами погубите.

И вы себя сдержите; вы отложите счеты с шофером до того вожделенного времени, когда минуете опасность, когда вы будете опять на равнине; вы оставите руль у шофера. Более того, вы постараетесь ему не мешать, будете даже помогать советом, указанием, действием. Вы будете правы – так и нужно сделать. Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже и с вашей помощью шофер не управится, что будете вы переживать, если ваша мать, при виде опасности,

---

⁷⁶ ...«Русские Ведомости» – российская общественно-политическая газета, выходившая в Москве в 1863–1918 гг. Орган либеральной московской профессуры и земских деятелей.

⁷⁷ ...Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), присяжный поверенный, член Государственной думы II, III и IV созывов. С 1917 – в эмиграции.

будет просить вас о помощи, и, не понимая вашего поведения, обвинят вас за бездействие и равнодушие.

В. Маклаков

Мой отъезд в отпуск для лечения болезни в Кисловодск и поездка в Тифлис

Через два дня, по возвращении в Петроград, я отправился в в разрешенный мне отпуск для лечения в Кисловодск. Я решил сначала проехать в г. Тифлис на несколько дней к брату⁷⁸, хотел побыть немного с ним перед отъездом на фронт, а кроме того повидать и великого князя Николая Николаевича.

До Ростова я ехал с моим верным Сенько-Поповским⁸⁰ и наслаждался отдыхом в вагоне, вне всяких обязательств и ответственности. Только в некоторых городах губернаторы, по старой памяти, выезжали меня приветствовать, да чины Корпуса жандармов. Но так было приятно сознание, что не надо было с ними говорить о служебных делах. Последние везде трогательно меня встречали.

В Беслане меня встретил начальник Владикавказского жандармского управления⁸¹ со своим вагоном и просил меня доехать в нем до Владикавказа и отобедать у него. Пришлось на это согласиться, к обеду были приглашены и другие офицеры, и меня трогательно чествовали. Но, благодаря этому, я выехал из Владикавказа только в 6 час. вечера, было уже темно и лил дождь. Автомобиль за мной был прислан из Тифлиса, по приказанию великого князя. Это была чудная 100 сильная машина Бенца⁸³, шофер удивительно хорошо и осторожно правил, т. к. ехать было по Военно-Грузинской дороге трудно и опасно, под дождем и еще в темноту.

Чтобы не приехать к брату ночью, я переночевал в Пассанауре, в гостинице «Франция», очень чистой и опрятной. В Тифлисе я был в 9 утра, застал брата плохого вида; как раз перед моим приездом у него было два припадка, по-видимому, грудной жабы. В тот же день я был приглашен к великому князю, к 12 час. дня. Встретил он меня как родного, поцеловал, расспрашивал обо всем и рассказывал о своих первых впечатлениях от Кавказа.

В час дня пришли доложить, что завтрак подан, и великий князь пригласил меня в столовую, где я увидел великую княгиню Анастасию Николаевну⁸⁴, радостно нас встретившую. Тут же был Орлов и адъютанты великого князя, все знакомые. После завтрака я проехал с Орловым к нему, он мне рассказал очень много интересного про Кавказ, о том, как везде принимают великого князя, с каким радушием, какое он производит хорошее впечатление. Затем разговор перешел на назначения, и Орлов мне заявил, что имеет полномочие великого князя позондировать меня, не приму ли я должность помощника наместника по гражданской части,

⁷⁸ Н. Ф. Джунковский.

⁷⁹ ...брату... – Джунковский Николай Федорович (1846–1916), егермейстер, тайный советник (1915). Был членом Совета наместника на Кавказе от министерства финансов. Женат на Джунковской (урожд. Винер) Елизавете Владимировне (1862–1928).

⁸⁰ ...Сенько-Поповский Леонид Андреевич (Александрович) (1883–1931), коллежский асессор, подполковник. В 1911–1916 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, откомандирован в распоряжение товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов; и. о. секретаря при ген. П. Г. Курлове и ген. В. Ф. Джунковском, в 1916–1917 гг. и. о. Черноморского вице-губернатора. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Греции, позднее – во Франции.

⁸¹ Л. А. Бардин.

⁸² ...начальник Владикавказского жандармского управления... – имеется в виду Бардин Леонид Алексеевич (1864–1936), генерал-майор (1916). С 19.01.1915 до февраля 1917 – начальник Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Югославии, позднее – во Франции.

⁸³ ...машина Бенца... – «Бенц» марка автомобиля по имени создателя Карла Бенца. Существовала самостоятельно до 1926 г., когда «Бенц» и «Даймлер» слились в один концерн, выпускающий автомобили под маркой «Мерседес-Бенц».

⁸⁴ ...Анастасия Николаевна (Стана Петрович-Негош, 1868–1935), принцесса Черногорская, дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич, великая княгиня, с 1907 – супруга великого князя Николая Николаевича (младшего). В первом браке герцогиня Лейхтенбергская (1888–1906), супруга герцога Г. М. Лейхтенбергского.

т. к. великий князь не видит никого кроме меня, кто бы мог заменить Петерсона⁸⁵. Я ответил Орлову, что я совершенно не чувствую себя способным в настоящее время принять какую-либо должность, что я не в силах отказаться от принятого желания – ехать на фронт; кроме того служить по министерству внутренних дел, хотя бы и под защитой великого князя, при наличии Хвостова и Белецкого мне немыслимо, а кроме того, мне кажется, что одно мое присутствие в Тифлисе в то время могло бы только внести осложнения, а не облегчить великому князю его положение. Затем я говорил с Орловым по поводу кандидатур Истомина и Сенько-Поповского, кандидатура первого была уже решена, а о назначении второго вице-губернатором Орлов обещал оказать содействие.

На другой день я опять завтракал у великого князя, а затем он меня еще раз пригласил вечером, чтобы специально поговорить о делах.

За этой беседой окончательно решилось назначение Истомина директором канцелярии и тут же мною была составлена шифрованная депеша, которую подписал Орлов. Я был ужасно счастлив назначению Истомина. Великий князь тут вновь возбудил – не пожелал ли бы я принять должность начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, но я опять, по тем же причинам, кои высказал Орлову, должен был отклонить это назначение, которое в мирное время я бы принял с полной готовностью. При прощании великий князь отнесся ко мне как к родному, ласково простился со мной, обнял, поцеловал и благословил меня, приказав мне предоставить автомобиль для обратного проезда по Военно-Грузинской дороге.

Очень мне было грустно расстаться с моим братом, здоровье которого внушало серьезное опасение. Четыре дня, проведенные в Тифлисе, прошли незаметно, все свое свободное время я старался проводить с ним. Прощаясь, у меня было жуткое чувство, что я с ним больше не увижусь, но обстоятельства сложились так, что я смог еще раз побывать в Тифлисе по окончании моего лечения в Кисловодске.

Из Тифлиса я выехал на той же чудной машине, на которой совершил уже путь по Военно-Грузинской дороге.

Начальник почтово-телеграфного округа⁸⁶ предупредил меня, что в горах сильная метель, но я решил все же ехать и выехал в 3 часа дня, чтобы поспеть во Владикавказ на 12 час. ночной поезд.

Со мной поехал племянник моего брата по жене Кравченко проводить до Владикавказа.

Дождя не было, и мы отлично доехали до Млеть, но приехали туда уже в сумерки. Стали подниматься на Гудоур, кругом все горы были уже покрыты сплошь снегом, было как-то таинственно, жутко.

Не доезжая верст 6-ти до Гудоура начал идти снег, чем дальше, тем все сильнее и сильнее. Все же до Гудоура добрались хорошо. Здесь нас остановили, заявив, что дальше проезда нет, что на Гудоуре стоят 6 автомобилей, не могущие пробиться, что на перевале сильнейшая вьюга. Я, как не останавливавшийся ни перед чем, хотел все же испробовать, может быть, проберусь, ведь до перевала оставалось только шесть верст в гору, а затем под гору уже пустяки, тем более шофер уверял, что 100 сильная машина везде пройдет.

Начальник станции, видя мою непреклонность, все же не решился меня так отпустить, а послал вперед, на всякий случай, 4 пары волов и 15 солдат с факелами. Двинулись в путь, первые две версты, хотя и по глубокому снегу, проехали тихо, но хорошо, тут был поворот, как только повернули, сразу попали в сугроб и страшнейшую метель.

⁸⁵ ...Петерсон Николай Леонидович (1866–1920), гофмейстер, действительный статский советник, сенатор, с 06.12.1913 – помощник по гражданской части наместника на Кавказе. Участник Белого движения, умер на о. Лемнос.

⁸⁶ Г. В. Мусселиус.

⁸⁷ ...почтово-телеграфного округа, – вероятно, Мусселиус Герман Васильевич, действительный статский советник, начальник Тифлисского почтово-телеграфного округа.

Ветер завывал кругом, крутил, факела горели на темном небосклоне, их рвало немилосердно, стали впрягать волов, картина была фееричная, но жуткая, я надел башлык, закутался буркой, автомобиль сам двигаться уже не мог, его заносило снегом все больше и больше, а вправо шагах в 4–5 зияющая пропасть, которую, к счастью, не было видно из-за темноты, слева высокая стена. Наконец запрягли волов, они рванули, автомобиль двинулся, солдаты шли впереди, очищая дорогу, двигались черепашим шагом, зад автомобиля то скатывался влево, то вправо, шофер мастерски управлял машиной. Так мы тащились версты две, снегу все прибавлялось, вьюга не давала расчищать дорогу, солдаты выбивались из сил, факелы начинали гаснуть, ветер крутил и среди этого завывания ветра раздавались крики погонщиков, удары хлыстом. Жуть брала, не хотелось отступать. Наконец пришлось сознать, что мы не доедем, хотя до перевала оставалась только верста, но там, на открытом месте, ветер, конечно, должен был бы быть еще сильнее и мог бы сбросить машину в пропасть. Надо было вернуться, но для этого надо было повернуть машину. Это было опасно, т. к. она могла соскользнуть в пропасть, но нечего делать, надо было. Солдаты взялись за автомобиль и буквально на руках после долгих усилий повернули машину. Как только повернули, стало легче, ветер был в спину, двинулись под гору, скоро могли двигаться уже без быков и благополучно добрались до Гудоура, а т. к. там ночевать нигде нельзя было, поехали вниз в Млеты. Там было тихо, снегу не было. Переночевав, я запросил ст. Гудоура по телефону – кончилась ли метель и, получив утвердительный ответ, двинулся в путь. По всему пути рабочие уже расчищали дорогу. Было чудное утро, солнце светило ярко и красиво освещало горы, сплошь покрытые снегом. Уже без помощи быков, но все же с большими усилиями добрались мы до перевала. Когда при дневном освещении мы проезжали по тому месту, где ночью поднимались с таким трудом, прямо не верилось, что мы сделали эти 4 версты в темноту в нескольких шагах от пропасти.

Все другие автомобили, которые мы перегоняли, двигались при помощи быков, только наша 100 сильная машина шла сама. Спускаясь к Коби в одном месте и она застряла в снегу, и только при помощи лошадей, которые встретились нам, мы могли вытащить машину. Проехав Коби, снегу уже не было, и в 3 часа дня мы были во Владикавказе. Я нисколько не раскаивался, что рискнул проехать через перевал в такую метель – впечатление, полученное от этого, было такое исключительно грандиозное, которое на всю жизнь осталось у меня в памяти.

Во Владикавказе для меня был уже готов вагон начальника управления, который мне любезно был предоставлен до самого Кисловодска.

На 2 часа ночи я был уже в своем номере лучшего пансиона этого курорта, у Ганешина⁸⁸.

В Кисловодске я хотел пробыть до 19 октября, проделав аккуратно целый курс лечения, но, получив тревожные вести о здоровье брата, решил проехать к нему перед возвращением в Петроград, тем более, что и моя сестра⁸⁹ выехала из Петрограда к нему. Мы встретились с ней на ст. Минеральные воды и по Военно-Грузинской дороге на автомобиле проехали в Тифлис, где пробыли два дня, после чего вернулись прямо в Петроград.

Я был очень рад еще раз повидать брата перед отъездом и побыть у него вместе с сестрой, ему стало несколько лучше, когда мы приехали к нему, наш приезд его очень обрадовал и ободрил. Все время, что мы провели в Тифлисе, мы не покидали его, только один раз, все это время, мы завтракали у великого князя. Это было последнее свидание мое с братом, через год его не стало.

Приехав в Петроград, я стал собираться к отъезду на фронт, оставалось всего 10 дней до отъезда.

⁸⁸ ...Ганешин Сергей Никитович (1852–1933), купец 1-й гильдии Московской губ. В 1905 открыл отель-пансион в Кисловодске, в 1914 пансион был преобразован в санаторий, а в 1916 был единственным в Кисловодске частным лечебным учреждением, куда был проведен нарзан.

⁸⁹ Е. Ф. Джунковская.

В это время в Петроград, на 23-е число, был назначен съезд выборщиков от дворянских обществ для избрания шести членов Государственного Совета от дворянства на десятилетие 1915–1924 и одного сроком по 1921 г. Я, как выборщик, получил об этом извещение от московского губернатора.

Всего было 82 выборщика от 41 дворянской губернии, из них и предстояло избрать 6 человек. Когда я приехал в Петроград, то нашел у себя приглашение от группы правых выборщиков на совещание в дом Петроградского дворянского собрания на 21 октября в 9 час. веч. и 22 октября в 2 часа дня, а также и от Петроградского губернского предводителя дворянства С. М. Сомова⁹⁰ на чашку чая накануне съезда, в 9 час. веч.

На совещании группы правых, которые среди выборщиков, были в значительном числе, выступал, главным образом, Марков 2-й⁹¹ и был, надо отдать ему справедливость, вполне корректен и сдержан, совещание имело целью наметить кандидатов, которых и держаться при выборах, дабы голоса не раскидывались; никаких страстных дебатов не было, все проходило вполне гладко.

Между прочим, было решено, что во всяком случае обязательно должен быть проведен один из кандидатов московского дворянства, т. е. Шереметев или я. Это было принято единогласно, конечно, без нашего участия. Когда это было принято, я просил не считать меня кандидатом, т. к. я еду на фронт и потому лишен буду возможности посещать заседания Государственного Совета, если б выбор пал на меня.

Это, по-видимому, произвело хорошее впечатление на всех присутствовавших, и кандидатура графа Шереметева была принята всей группой.

23-го состоялись выборы, среди избранных прошел весь список, намеченный правой группой.

Этими выборами окончились последние мои общественные обязательства, я мог с этого дня посвятить себя всецело сборам на войну. Надо было обзавестись многим. Верховую лошадь мне удалось получить очень хорошую, с разрешения военного министра, из ремонта московского жандармского дивизиона, она мне прослужила верой и правдой в течении всей кампании. Затем из Оренбурга мне посчастливилось выписать очень хорошую пару выносливых лошадей для своего обоза; двуколку-экипаж в Петрограде в военной мастерской, она была очень удобная, на рессорах, вроде тех, кои служили для перевозки раненых. Затем следовали разные походные вещи и снаряжения. К концу октября все было готово, отъезд мой был назначен на 31-ое октября.

Отслужив молебен, простившись со всеми моими близкими, я покинул свою уютную квартиру на Каменноостровском проспекте и с сестрой и племянницей Н. Н. Шебашевой⁹² отправился на Царскосельский вокзал, где благодаря любезности правления Московско-Виндавской ж.д. меня ждали два вагона и платформа, прицепленные к скорому поезду – один вагон для меня, другой для лошадей, фуража и багажа, платформа для одноколки. Меня сопровождал мой верный слуга Петр Ткаченко⁹³ и два вестовых, командированные распоряжением Главного управления Генерального штаба из петроградского жандармского дивизиона с переводом в ту часть, в которую я буду назначен.

⁹⁰ ...Сомов Сергей Михайлович (1854–1924), действительный статский советник (1907), гофмейстер (1917), последний в истории член Государственного совета по назначению (1917). С 14.02.1914 – петроградский губернский предводитель дворянства. После октября 1917 – в эмиграции в Германии.

⁹¹ ...Марков 2-й... – Марков Николай Евгеньевич (1866–1945), публицист, политик правых взглядов, член III и IV Государственной думы. Монархист, один из лидеров черносотенцев. С 1910 г. председатель главного совета Союза русского народа. После революции 1917 года – участник Белого движения. С 1920-х годов находился в эмиграции, продолжив политическую деятельность в православно-монархическом русле.

⁹² ...племянницей Н. Н. Шебашевой... – Шебашева Надежда Николаевна, племянница В. Ф. Джунковского – дочь Е. Ф. Джунковской и Н. Шебашева.

⁹³ ...Ткаченко Петр, в 1914–1915 гг. слуга и денщик В. Ф. Джунковского.

На вокзале собрались все мои родные и близкие. Чины корпуса жандармов, представители Департамента полиции, к моему большому удовлетворению, отсутствовали – там царил уже дух Белецкого, и мне было бы неприятно с ними встретиться. Кто меня особенно тронул – это офицеры запасного батальона Преображенского полка, приехавшие меня проводить в полном составе, и поднесшие мне небольшой складень с изображением Георгия Победоносца для ношения на цепочке на шее, перед этим за несколько дней депутация жен и семей преображенцев поднесли мне чудный складень с изображением Преображения Господня, Богородицы и Нерукотворенного Спаса с выгравированными фамилиями всех, в числе 47, с надписью «Да не смущается сердце Ваше».

Больно было очень расставаться со всеми близкими дорогими, они все были тут, на вокзале.

Раздался третий звонок, поезд тронулся, и я долго не мог забыть взволнованные лица всех меня провожавших.

Сестра моя, племянница, мой близкий дорогой друг Н. В. Евреинова и Сенько-Поповский – этот также дорогой, неоценимый и преданный мне друг, принимавший так близко к сердцу все касавшееся меня, провожали меня до Царского Села.

Мы сидели почти молча эти полчаса, пока поезд шел это расстояние, было грустно на душе от мысли, что сейчас мы расстанемся, но на сердце было спокойно и даже радостно от сознания, что я еду туда, где решается судьба России, что и на мою долю выпало счастье разделить боевую страду со всеми защитниками Родины.

Мой отъезд на фронт⁹⁴

31-го октября я выехал из Петрограда в Минск во исполнение депеши дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего:

«Вследствие воспоследования высочайшего соизволения отбытия Вас в действующую армию, начальник штаба одновременно указал сообщить это главнокомандующему Западным фронтом, в распоряжение которого Вам надлежит отправиться.

Кондзеровский⁹⁵».

Расставшись со своими в Царском Селе, я долго еще смотрел из окна вагона по тому направлению, где я оставил своих близких. Затем, напившись чаю, лег спать. Сначала долго не мог уснуть, очень уже нервы были натянуты от переутомления и всего пережитого. Все же усталость взяла свое, и я крепко уснул, проспал до 10 утра, поезд стоял в Ново-Сокольниках. В 12 час. позавтракал в вагоне ресторане и скоро после этого поезд подошел к Витебску. Здесь меня любезно, по старой памяти, встретили губернатор Арцымович⁹⁶ и начальник губернского жандармского управления Шульц⁹⁷ со своими офицерами. Поговорив с ними и очень поблагодарив за такое внимание, двинулся с поездом далее.

Скоро доехали до Орши, где я страшно обрадовался, увидев могилевского губернатора Пильца⁹⁸, В. П. Никольского, моего бывшего начальника штаба и моего друга Вельяминова. Они приехали из Могилева на автомобиле, чтобы меня повидать. В Орше мне предстояло ждать до вечера, поэтому можно было спокойно посидеть в вагоне с ними и поговорить. Мы обедали вместе, и они просидели у меня до 9 часов. Никольский мне рассказал, что Хвостов (министр внутренних дел) приезжал в Ставку к Фредериксу, прося его доложить государю, что я ездил в Тифлис к великому князю Николаю Николаевичу специально, чтобы проситься в помощники наместника и что этого допустить нельзя, т. к. такого рода соединение великого князя со мною может иметь пагубные последствия. К счастью, Дрентельн был в курсе дел и мог сообщить как раз обратное.

В 9 часов я их проводил до автомобиля, простился с ними и вернулся в свой вагон, скоро пришел почтовый поезд из Москвы, захватил и мои вагоны. Я лег спать и проснулся верст за 50 до Минска. Меня поразила царившая пустота на станциях, редкие поезда после того необычайного движения, которое было еще так недавно при последней моей поездке в августе месяце. До Минска ходил только пассажирский поезд в сутки, а до Погорелец только воинские. Это была последняя станция. Барановичи входили в нейтральную зону. За Барановичами сейчас же были уже немцы.

---

⁹⁴ Далее текст по ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Д.58. Л. 313–354.

⁹⁵ ...Кондзеровский (Кондырев-Кондзеровский) Петр Константинович (1869–1929), генерал-лейтенант (1914). С 19.07.1914 – дежурный генерал при Верховном главнокомандующем. Участник Белого движения. С 1919 – в эмиграции в Финляндии, позднее во Франции.

⁹⁶ ...Арцымович Михаил Викторович (1859–1933), шталмейстер (1912), действительный статский советник (1899), сенатор. С 19.12.1911 по 1915 – витебский гражданский губернатор. После Октябрьской революции в эмиграции в Латвии.

⁹⁷ ...Шульц Александр Робертович (1869 –?), полковник (1912). С 11.06.1913 по 1917 – начальник Витебского губернского жандармского управления.

⁹⁸ ...Пильц Александр Иванович (1870–1944), действительный статский советник (1911), с 15.03.1910 до февраля 1916 – могилевский губернатор. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Болгарии, погиб во время 2-й мировой войны.

Приезд в Минск. Генерал Эверт

В Минск я приехал в 10 час. утра, на вокзале приехали меня встретить губернатор Гирс⁹⁹, чины корпуса жандармов, полицеймейстер¹⁰⁰¹⁰¹ и еще несколько лиц. Эти все встречи были так трогательны, что я не мог не чувствовать волнения. С вокзала я вместе с губернатором проехал прямо к Эверту – главнокомандующему Западным фронтом. Он меня принял более чем радушно и ласково, выразил радость моему прибытию, сказал, что сейчас же узнает, где имеются свободные бригады, чтобы сразу меня назначить командиром одной из них. Когда я начал говорить, что я бы хотел раньше осмотреться и поучиться, что я в строю прослужил мало и давно, он мне сказал, что все это пустяки, что у меня жизненного опыта много и я сумею всегда ориентироваться во всем, и считает, что на штатной должности я скорее привыкну к обстановке.

Оказались две вакантные бригады в 65-й и 68-й дивизиях. Генерал Эверт предложил мне самому выбрать одну из этих вакансий, сказал мне, чтобы я подумал и пришел к обеду к 2 часам с ответом. От него я пошел к начальнику штаба генералу Квецинскому¹⁰² и к генерал-квартирмейстеру¹⁰³¹⁰⁴ – это были для меня совершенно новые люди, но у них я встретил ту же любезность и предупредительность. До них до всех дошли слухи о причине моей опалы, и это как-то возвышало меня в их глазах. Из разговора с ними я пришел к заключению, что лучше остановиться на 68-й дивизии, которой тогда командовал Апухтин¹⁰⁵, эта дивизия была во 2-й армии, а 65-я в 10-й армии. Обе дивизии были второочередные, бывшие в больших передрягах, поэтому обе одинаково могли быть неприятны. Важно было, кто начальник дивизии. Я же ни того ни другого не знал, а об Апухтине хорошего слышал мало. Но я все же остановился на нем и, придя к Эверту к обеду, сообщил ему свой выбор. Он велел сейчас же заготовить приказ.

После обеда я отправился к командующему 2-й армией генералу Смирнову¹⁰⁶, он и его штаб помещались у губернатора в доме. Я застал его за раскладыванием пасьянса, это был добродушный, милейший старичок, он меня принял удивительно просто, любезно. Но когда я ему сказал, что назначен бригадным командиром в 68-ю дивизию, то мне показалось, что этому он не посочувствовал, а Гирсу он потом высказал свои сомнения на счет Апухтина, обладавшего весьма неуравновешенным характером. Тогда я отправился к начальнику штаба фронта высказать свои сомнения. Тот отнесся весьма к этому внимательно и посоветовал обратиться за разъяснением к начальникам штабов 2-й и 10-й армий, штаб которой тоже находился в Мин-

---

⁹⁹ ...Гирс Алексей Федорович (1871–1858), камергер, действительный статский советник. С 26.11.1912 по 30.04.1915 минский гражданский губернатор, позднее – нижегородский губернатор. После Февральской революции в эмиграции в Эстонии, с 1924 – во Франции (Париж).

¹⁰⁰ А. А. Скалон.

¹⁰¹ ...полицеймейстер Минска... – имеется в виду Скалон Алексей Александрович (1860–?), полковник.

¹⁰² ...Квецинский Михаил Федорович (1866–1923), генерал-лейтенант (1915). С 21.09.1915 по 03.04.1917 – начальник штаба армий Западного фронта, позднее командующий 3-й армией, с 11.08.1917 – в резерве. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Швеции, позднее – в Норвегии.

¹⁰³ П. П. Лебедев.

¹⁰⁴ ...генерал-квартирмейстер Западного фронта – Лебедев Павел Павлович (1872–1933), генерал-майор (1915). 10.09.1915 по 18.04.1917 – генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта. С мая 1918 – в Красной армии.

¹⁰⁵ ...Апухтин Александр Николаевич (1862–1928), генерал-лейтенант (1914). С 19.07.1914 по 15.04.1917 – командующий, позднее – начальник 68-й пехотной дивизии, с 22.04.1917 – в резерве чинов при штабе Петроградского в/о. С 1918 – на службе в РККА. Умер и похоронен в Ташкенте.

¹⁰⁶ ...Смирнов Владимир Васильевич (1849–1918), генерал от инфантерии. С 20.11.1914 – командующий 2-й армии. В марте 1917, после смещения А. Е. Эверта, исполнял обязанности главнокомандующего армиями Западного фронта, продолжая оставаться командующим 2-й армией, с 22.04.1917 – член Военного совета, позднее в отставке. Расстрелян большевиками как заложник.

ске, которые должны были знать хорошо Апухтина. В результате этих переговоров я явился опять к Эверту и попросил его переменить бригаду и дать ее мне в 65 дивизии, на что Эверт любезно согласился.

Тогда я уже пошел к начальнику штаба 10-й армии¹⁰⁷¹⁰⁸, в составе коей находилась 65-я дивизия, чтобы явиться ему и доложить о решении главнокомандующего. Выслушав меня, он мне сказал, что не хотелось бы мне давать бригаду в 65-й дивизии, что там очень молодой начальник дивизии¹⁰⁹¹¹⁰, не успевший сколотить ее, что дивизия не устойчивая, а что им бы хотелось дать мне бригаду в твердой надежной дивизии в 3-м Сибирском корпусе, а именно в 8-й Сибирской дивизии, где и начальник дивизии¹¹¹¹¹² очень опытный и знающий свою дивизию досконально и что под руководством такого серьезного боевого генерала я быстро свыкнусь с боевой обстановкой, что вакансия в этой дивизии должна открыться в течение месяца. Мне это, конечно, весьма улыбнулось, я очень поблагодарил начальника штаба за его такую предупредительность и решил опять побеспокоить Эверта, хотя мне это было ужасно совестно, но дело было слишком серьезное.

К счастью, мне не пришлось даже потревожить Эверта; еду к нему, я его встретил выходящим от генерала Смирнова, подошел к нему и [передал] весь разговор мой с начальником штаба 10-й армии. Эверт очень любезно отнесся к этому, пожалел только, что я не сразу попаду в бригадные командиры.

Переночевав в своем вагоне, я на другой день получил уже от штаба фронта следующее предписание:

«Главномандующий приказал командировать Вас в распоряжение командующего 10-й армией на предмет прикомандирования к одной из пехотных дивизий, для изучения боевого строя.

Для исполнения сего Вам надлежит отправиться в штаб 10-й армии и явиться к генералу от инфантерии Радкевичу¹¹³.

Об отбытии донесите».

---

¹⁰⁷ И. И. Попов.

¹⁰⁸ ...начальнику штаба 10-й армии – Попов Иван Иванович (1866–1918), генерал-лейтенант (1916). С 04.03.1915 по 14.10.1916 – и.д. начальника штаба 10-й армии, позднее – начальник 32-й пехотной дивизии. После Октябрьской революции возглавил антибольшевистскую военную организацию в Казани, был арестован и расстрелян.

¹⁰⁹ Д. П. Троцкий.

¹¹⁰ ...молодой начальник дивизии – имеется в виду Троцкий Дмитрий Павлович (1861 –?), генерал-лейтенант (1917). С 25.08.1915 – командующий 65-й пехотной дивизией, утвержден в должности 14.07.1917.

¹¹¹ А. Е. Редько.

¹¹² ...8-й Сибирской... начальник дивизии – Редько Алексей Ефимович (1862 –?), генерал-лейтенант (1915). Участник русско-японской войны (1904–1905). С 23.07.1910 по 19.07.1914 – начальник 4-й Туркестанской стрелковой бригады, 19.07.–07.08.1914 – командующий 14-й Сибирской стрелковой дивизией, с 07.08.1914 – командующий 8-й Сибирской стрелковой дивизией, с 22.01.1915 по 06.04.1917 – начальник той же дивизии, с 06.04.1917 – командир 3-го Сибирского армейского корпуса. В июле 1917 покинул пост по требованию взбунтовавшихся солдат.

¹¹³ ...Радкевич Евгений Александрович (Родкевич, 1851–1930), генерал от инфантерии (1912). С 25.4.1915 по 12.12.1916 – командующий 10-й армией, с 25.4.1917 – помощник главнокомандующего войсками Петроградского в/о. В 1918–1923 гг. на службе в РККА.

Отъезд к месту назначения в штаб 8-й Сибирской стрелковой дивизии

С этим предписанием я и явился к Радкевичу – это был уже старик, сибиряк, с несколько суровым видом, но это не помешало ему чисто по-отечески обласкать меня. Я вышел от него совсем растроганный, получив предписание от штаба его армии отправиться в распоряжение командира 3-го Сибирского армейского корпуса¹¹⁴¹¹⁵ для прикомандирования к 8-й Сибирской стрелковой дивизии, при этом я получил и секретную подробную карту с нанесенным на ней расположением всех частей 3-го Сибирского корпуса. Обедая в тот день у генерала Смирнова, который выразил сожаление, что я не буду служить у него в армии, но в 68-ю дивизию к Апухтину ему было бы жутко меня отпустить.

Я так устал за этот день от пережитого и массы впечатлений, что рад был вернуться в свой вагон и лечь спать. Спал как убитый. В 11 ч. вечера мой вагон перевели на Либаво-Роменскую жел. дор. и прицепили к какому-то поезду, когда я уже спал. Проснулся я на ст. Молодечно, был солнечный день. Молодечно – это была последняя станция, дальше до Залесья ходили только этапные поезда, обслуживаемые железнодорожным батальоном, к одному из них и прицепили мои вагоны и через час я уже был на ст. Пруды – откуда до штаба корпуса, куда я должен был явиться, оставалось всего 5 верст.

Пруды была крошечная станция, кругом полная тишина, населения не было видно никакого, природа более чем унылая. На станции стоял небольшой передовой отряд, сооруженный на средства крестьян Пермской губернии, и на путях питательный пункт Красного Креста, устроенный Пуришкевичем¹¹⁶, где я и пообедал. Устроен он был прекрасно в нескольких вагонах, заведовала очень милая сестра милосердия. Мне дали отличный суп с зеленью и рисом с большим куском мяса и на второе котлету с гречневой кашей.

Я приехал на ст. Пруды в 11 часов и хотел в тот же день проехать к командиру 3-го Сибирского армейского корпуса, потом вернуться, чтобы на другой день отправиться уже в свою дивизию. Приказав оседлать верховую лошадь, одевшись в установленную форму, захватив с собой документы и выданную мне штабом армии карту с обозначенным на ней расположением войск, я сел на лошадь и выехал по направлению к штабу корпуса, следя по карте. К лошади своей я еще не привык, т. к. только один раз попробовал ее в Москве в манеже. Она шла очень беспокойно, пугаясь каждой лужи, куста, камней, заборов... Это было очень неприятно, но я понемногу свыкся с этим. Происходило это от того, что лошадь привыкла к городу, а в поле терялась.

Проехав дер. Заполяты, я по карте наметил проселочную дорогу на Марково (стоянка штаба корпуса) и поехал по этому направлению, но вскоре дорога стала пропадать, и я попал в болото, попробовал объехать, нашел тропинку, но опять болото, так я бился, кругом ни души, потерял всякие следы. Хотел проверить по карте, опустил руку в карман и вдруг, ужас! Карты нет. Первый дебют – потерял карту с дислокацией войск. Впал в отчаяние, что делать? Как я ее выронил, я понять не мог. Пришлось возвращаться тем же путем. Я слез с лошади, повел

---

¹¹⁴ В. О. Трофимов.

¹¹⁵ ...командира 3-го Сибирского армейского корпуса – Трофимов Владимир Онуфриевич (1860–1924), генерал-лейтенант (1914). С 08.08.1914 – начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии 3-го Сибирского армейского корпуса. Отличился во время августовской операции 01. – 02.1915, возглавив отступление частей 3-го Сибирского и 26-го армейских корпусов. С 25.04.1915 по 06.04.1917 – командующий 3-й Сибирской армейской корпусом. Награжден георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. (1915). 01.08.1917 уволен от службы. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии.

¹¹⁶ ...Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), член II и IV Государственной думы, один из инициаторов создания Союза русского народа, участник убийства Г. Распутина. В 1914 г. создал санитарный отряд, включавший питательный пункт и передвижную аптеку с походной библиотекой.

ее в поводу, вглядываясь в дорогу и по сторонам. Нигде ничего. Как я явлюсь к командиру корпуса? Начальнику дивизии? Потерял секретную карту. Скрыть же – это было бы еще большим преступлением. Плутал я часа два, наконец, стало уже темнеть, я решил ехать обратно на ст. Пруды, потеряв надежду отыскать карту. Подъезжая уже к дер. Заполяты, вдруг вижу полотняный портфельчик с картой на дороге. Вот уже действительно счастье. Я ужасно обрадовался и поблагодарил Бога за его милость. В штаб корпуса было уже поздно ехать, я вернулся на станцию, чтобы переночевать в вагоне и на другой день уже выехать прямо в дивизию, заехав к командиру корпуса.

Проснувшись на другой день, я был поражен – все было покрыто снегом, который не переставал идти, было что-то похожее на выюгу.

Напившись кофе, я сел на лошадь и вместе со своим обозом двинулся в путь. Шел снег, который таял, ветер завывал, ехать было трудно. У меня оказалась такая уйма вещей, что они не поместились на мою двуколку; пришлось просить еще одну повозку в Красном Кресте. Кроме своих личных вещей, у меня было еще три тюка теплых вещей для нижних чинов и много табаку.

Тем не менее моя повозка, запряженная парой, двигалась с трудом, дорога была убийственная, колеи по ось, глина, горы, одним словом, прямо мучение. У дер. Хомутичи я покинул свой обоз, который пошел прямо в Каскевичи – расположение штаба дивизии, а сам я поехал к командиру корпуса. Припустив лошадь рысью, я быстро доехал до деревни, где была стоянка штаба корпуса. Генерал Трофимов знал уже о моем назначении и поджидал меня, принял очень любезно, пригласил отобедать с ним. Мы обедали втроем – Трофимов, его сын и я. Обед был дивный, вареное мясо, щи с чудными блинчиками-пирожками, котлеты «деволяй» и кофейный крем. Вино – красное и коньяк. После завтрака я прошел к начальнику штаба¹¹⁷¹¹⁸ познакомиться и поговорить с ним, после чего, получив предписание явиться к начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии, зашел откланяться к генералу Трофимову, который пошел меня проводить. Увидев, что я приехал без конвоя и даже без вестового, он пришел прямо в ужас, приказал немедленно нарядить двух казаков его конвоя для моего сопровождения.

От штаба корпуса до штаба дивизии было 9 верст по ужасающей дороге. Начальника дивизии не было, он был в командировке, его заменял бригадный командир генерал Романов¹¹⁹. Штаб стоял в небольшом имении Каскевичи, расположен был в усадьбе и надворных постройках, хорошо сохранившихся. От передовых окопов было всего 4 версты, так что немецкие снаряды могли свободно долетать до нашего расположения. С большим волнением подъезжал я к совершенно для меня новому необычному месту служения.

¹¹⁷ П. М. Воробьев.

¹¹⁸ ...начальнику штаба... – Воробьев Петр Михайлович (1855–1918), генерал-лейтенант (1916). с 29.03.1915 по 01.02.1917 – начальник штаба 3-го Сибирского корпуса. С 1918 – участник Белого движения.

¹¹⁹ ...Романов Владимир Романович (1868 – после 1920), генерал-майор (1915). С мая 1915 – командир бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии, с 07.12.1915 по 17.01.1917 – начальник штаба 44-го армейского корпуса. Участник Белого движения на востоке России.

Приезд к месту назначения

Меня ждали, т. к. мои вестовые с вещами уже приехали. Чины штаба жили тесновато, так что меня поместили в одной комнате с генералом Мещериновым¹²⁰ – командиром 8-й Сибирской артиллерийской бригады, я знал хорошо его братьев-преображенцев¹²¹¹²², и потому он был мне не совсем чужой.

Временно командовавший дивизией генерал Романов встретил меня любезно, он представлял собой тип самого заурядного генерала, не увлекавшегося службой и отдававшего ей как говорится «le chose nécessaire»¹²³, не больше. Начальником штаба был подполковник Радзин¹²⁴, эстонец, очень милый человек, отлично знавший службу и высокой степени честный и добросовестный. Я с ним очень скоро сблизился и впоследствии сглаживал происходившие зачастую недоразумения между ним и не всегда сдержанным начальником дивизии. Кроме них и Мещеринова при штабе состояло еще 9 человек, все мне показались очень милыми симпатичными людьми.

Мещеринов оказался приятным и весьма покладистым соседом, так что мы друг друга совсем не стесняли. Я устроился в отведенной мне половине комнаты со всеми удобствами, установил свою кровать и привезенную складную мебель, расставил свои вещи и у меня вышел очень уютный уголок. За ужином, который был в 8 часов, в небольшой крытой галерее, изображавшей столовую, я перезнакомился со всеми чинами штаба. После ужина немного поговорили с генералом Романовым и лег спать. В этот же день в приказе по дивизии было отдано о моем прикомандировании к 8-й Сибирской стрелковой дивизии. Я со своей стороны о своем прибытии донес рапортами начальнику штаба Западного фронта и командующему Императорской главной квартирой, как лицо Свиты.

Меня предупредили, что немцы имеют обыкновение по ночам обстреливать наше расположение, и я ждал с нетерпением этого обстрела, но ночь прошла тихо, следующая также. На другой день я проснулся рано. Мещеринов еще спал. Прибрав свой угол и напившись чаю, пошел к командовавшему дивизией и беседовал с ним о делах, он неохотно отвечал на мои расспросы и, казалось, недоумевал тому, что меня все так интересовало. В час дня обедали. Стол был очень сытный, разнообразный, простой, но вкусный, заведовал им старший адъютант по хозяйственной части Константинов¹²⁵ – очень почтенный и милый человек, природный сибиряк.

---

¹²⁰ ...Мещеринов Павел Григорьевич (1867 –?), генерал-майор (1915). С 01.09.1915 по 26.05.1917 командир 8-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, позднее – инспектор артиллерии 42-го армейского корпуса. В 1918 – в гетманской армии.

¹²¹ Н. Г. и С. Г. Мещериновы.

¹²² ...его братьев-преображенцев – братья генерала П. Г. Мещеринова: Николай Григорьевич (1864–1935), полковник л. – гв. Преображенского полка и Сергей Григорьевич (? – после 1954), капитан л. – гв. Преображенского полка.

¹²³ Лишь самое необходимое (фр.).

¹²⁴ ...Радзин (Радзинь) Петр Карлович (1880–1930), полковник Генерального штаба (1917), генерал латвийской службы (1920). В 1915 – подполковник, с 06.12.1915 – и.д. начальника штаба 8-й Сибирской стр. дивизии, в 1916–1917 гг. и.д. начальника штаба 61-й пех. дивизии. С 1919 – в латвийской армии.

¹²⁵ ...Константинов, капитан, старший адъютант по хозяйственной части штаба 8-й Сибирской дивизии.

Первое мое знакомство с расположением частей дивизии

7 ноября, на третий день моего приезда, генерал Романов, чтобы удовлетворить мою назойливость (я к нему все приставал, чтобы он меня ознакомил с расположением дивизии), решил объехать часть расположения и пригласил меня с собой. Мы объехали части двух полков, стоявших в резерве, помещались они в землянках, прекрасно устроенных, офицеры тоже жили в землянках несколько более усовершенствованного типа. Я с жадностью все это осматривал, знакомился со всем этим, все для меня было ново. Меня только страшно неприятно поразил оборванный вид солдат, они были ужасно одеты, после гвардии, которую я видел на позиции в августе месяце под Вильной и которая была одета с иголочки, контраст этот был слишком большой. Я спросил Романова, он ответил: «Что ж будешь делать, когда из интенданства еще не выдали шинелей».

Деревни, которые нам пришлось проезжать, представляли собой развалины, населения никакого. Командиры полков и офицеры мне показались весьма симпатичными, это все были большей частью сибиряки, многие участвовали во всевозможных боях, многие были уже ранены и вернулись в строй, скромные серые герои. Они все с любопытством смотрели на меня, с иголочки одетого Свиты генерала, каждый из них, очевидно, думал: «Зачем он сюда приехал, в нашу серую обстановку? что он будет тут делать? наверное, и в окопы к нам он никогда не заглянет». И чувствуя, что они так думают, мне становилось неловко, мне хотелось скорее сравняться с ними, с этой серой, но беззаветно геройской массой.

В этот день с утра немцы стали усиленно обстреливать нашу позицию, но до штаба выстрелы их не долетали.

Обедня в полку

8 ноября, в воскресенье, я поехал к обедни в расположение 32-го Сибирского полка. Первый раз мне пришлось быть у обедни в такой обстановке среди землянок в лесу на открытом воздухе. На меня это произвело огромное впечатление, было трогательно величественно, молилось так хорошо, люди в числе 1500 стояли покоем, вид у них был, правда, самый разнообразный, одеты были они пестро, некоторые прямо в лохмотьях, сапоги, перевязанные тряпками, но это не мешало им выглядеть бодрыми, веселыми, и на мое приветствие (первый раз мне пришлось поздороваться с новыми своими стрелками) они ответили как один человек, и их громкое «здравия желаем...» гулко разнеслось по лесу.

Священник служил обедницу под навесом из еловых ветвей, пели стрелки – певчие под управлением одного прапорщика, а «Верую» и «Отче наш» пропели все 1500 человек. Раздававшиеся орудийные выстрелы дополняли общую картину. Накануне и в этот день немцы и мы стреляли особенно много, два снаряда разорвались в сотнях шагов от штаба, а по деревне, на окраине нашей позиции, немцы стреляли удушливыми газами, но, к счастью, без результата.

Простояв обедницу, я вместе с Мещериновым зашел в несколько землянок и беседовал со стрелками, впечатление от этого посещения и беседы с ними у меня осталось самое отрадное. Зашли и к офицерам. Вернувшись домой, узнал, что командовавший дивизией меня спрашивал и уехал в 30-й полк, куда приехал командир корпуса. Я тотчас велел оседлать коня и поскакал в расположение этого полка за 4 версты от штаба, корпусный командир беседовал в это время с офицерами. Оттуда в его автомобиле с ним проехали в 29-й полк, где генерал Трофимов смотрел разведчиков, гренадер-бомбометов¹²⁶ и сводный батальон, назначенный для высочайшего смотра. Всем Трофимов остался очень доволен и уехал в прекрасном расположении духа. В этот день ко мне заехал Веревкин¹²⁷ – Виленский губернатор, который ехал в расположение Преображенского полка и звал меня ехать с собой; преображенцы стояли в 80 верстах от нас. Но мне казалось неудобным отпрашиваться у своего нового начальства и потому не поехал. На другой день пришло приказание удлинить наш фронт, вследствие чего штабу дивизии пришлось перейти на другое место стоянки.

---

¹²⁶ Солдаты-гранатометчики.

¹²⁷ ...Веревкин Пётр Владимирович (1862–1946), егермейстер, действительный статский советник (1914). В 1912–1916 гг. виленский гражданский губернатор. Позднее в эмиграции во Франции.

Переход на другую стоянку в Залесье

Мне очень было жаль оставлять Каскевичи, где я прожил так хорошо и уютно почти неделю. Новое место стоянки было около ст. железной дороги Залесье, это была последняя станция, до которой в то время доходили этапные поезда, дальше рельсы были уже разобраны. Переезд на новое место мы совершили 11 ноября днем. Выехал я вместе с Мещериновым, с которым по пути объехал несколько батарей, знакомился с позициями и новыми местами расположения полков. В одной из деревень, через которые мы проезжали и в которой стоял полк, смененный нами, накануне на позиции 8-м дюймовый немецкий снаряд попал в избу, в которой в это время последний раз обедали уходившие с позиции офицеры, празднуя под звуки полкового оркестра благополучное свое отбытие. Два офицера были убиты, четверо, среди них и священник и несколько музыкантов, ранены.

Приехали мы на место новой стоянки, когда уже стемнело, сделав верхом около 20 верст. Штаб разместился в барской усадьбе, весьма запущенной, но с чудным парком, помещение было просторное, так что мне отвели отдельную комнату. Как только мы водворились, поднялась орудийная стрельба из тяжелых орудий – такую стрельбу я слышал впервые, и она произвела на меня внушительное впечатление. Целый час немцы громили позицию соседней с нами дивизии, выпустив до 300 «чемоданов»¹²⁸. Я прислушивался к этой канонаде и выучился узнавать взрывы снарядов и полеты по звукам. По окончании канонады выяснились результаты стрельбы, с нашей стороны оказалось, к счастью, всего 10 раненых.

На другой день, приведя в порядок свою комнату, разобрав поступившие в штаб бумаги и донесения, я отправился на ст. Залесье, чтобы ознакомиться с окружающей местностью. На станции находился штаб 65-й дивизии, той дивизии, в которой я должен был получить бригаду, я зашел к начальнику дивизии Троцкому, чтобы познакомиться с ним. Он оказался очень милым и любезным, но совершенно заурядным начальником дивизии, малосамостоятельным, так что я был очень рад, что не попал к нему. Тут же на путях станции стояло несколько вагонов передового питательного отряда А. И. Гучкова¹²⁹, а недалеко от станции Царскосельский подвижной госпиталь. Я перезнакомился со всем персоналом этих обоих учреждений – все оказались премилые люди, нашлись и общие знакомые, меня принимали, как мне показалось, как-то особенно любезно. От подвижного Царскосельского госпиталя я остался в положительном восторге – порядок, чистота, уход меня поразили, а главное состав врачей и сестер – это была дружная семья, все так бодро радостно работали. Я много видал госпиталей и лазаретов и за время моих путешествий, когда я сопровождал государя и из всех виденных мною лазаретов этому Царскосельскому надо отдать пальму первенства. Особенно сильное впечатление на меня произвела женщина – врач-хирург¹³⁰¹³¹, фамилию которой я, к сожалению, сейчас не помню. Я присутствовал во время трепанации черепа одному раненому, когда она вынимала пулю, застрявшую в голове этого несчастного. Это было изумительно, все ее движения были при этом необыкновенно изящны, оперировала она с такой ловкостью и смелостью, что от ее

¹²⁸ ...«чемоданов»... – имеются в виду тяжелые артиллерийские снаряды калибра свыше 120 мм.

¹²⁹ ...Гучков Александр Иванович (1862–1936), действительный статский советник, один из создателей и председатель ЦК партии «Союз 17 октября»; председатель III Государственной думы. С июля 1915 председатель Центрального военно-промышленного комитета; с лета 1915 один из лидеров Прогрессивного блока; с сентября 1915 член Особого совещания по обзору государства, возглавлял Комиссию по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии. С 02.03.1917 по 02.05.1917 – военный и морской министр. Участник Белого движения, с 1919 в эмиграции во Франции.

¹³⁰ В. И. Гедройц.

¹³¹ ...женщина – врач-хирург... – скорее всего Гедройц Вера Игнатьевна (1870–1932), княжна, одна из первых женщин в мире, получившая звание профессора хирургии и возглавившая хирургическую кафедру, участница Русско-японской войны, прозаик и поэтесса Серебряного века.

работы нельзя было оторваться. Через неделю после операции этот раненый уже начал вставать с кровати, а до операции он несколько суток лежал без памяти.

При штабе нашей дивизии состоял передовой Гродненский отряд и Пермский подвижной лазарет. В первом хирургом был американец¹³², почти не говоривший по-русски, но это не мешало ему справляться с персоналом и со всеми делами отряда. Как хирург он не представлял собой крупной величины, но был вполне удовлетворителен для подачи первой необходимой помощи. Состав персонала и отряда и госпиталя не оставлял желать лучшего, мы жили очень дружно с ними и часто друг друга навещали, работали они более чем добросовестно.

---

¹³² ...хирургом был американец... – возможно, Гроу Малколм (1887–1960), в 1915 году приехавший по приглашению своего друга-хирурга в Россию, где работал в госпитале, затем был принят на службу в русскую армию в качестве военного врача.

Возвращение начальника дивизии Редько, первое знакомство с ним

14 ноября начальник дивизии генерал-лейтенант Редько возвратился из отпуска, я уже был в курсе всех дел дивизии и потому мог предстать перед ним не совсем как новичок. Все утро в ожидании его все в штабе как-то присмирели, в помещениях и во дворах шла усиленная чистка, чувствовалось, как все его боялись. Он был очень строг, особенно к нестроевым. Ждали его к обеду, но он не приехал, решили, что он приедет на другой день, все успокоились, а он неожиданно прикатил вечером уже после ужина, когда все разошлись. Я сидел в помещении штаба, когда он вошел. Все встали, он поздоровался с генералом Романовым и начальником штаба. Я назвал себя.

Он посмотрел на меня, как на пустое место, молча подал мне руку. Меня такая встреча не смутила, я был подготовлен к ней, я знал, что в его глазах Свиты генерал и еще из товарищей министра из Петрограда представлял собой отрицательную величину – белоручку, а таких он, по своему характеру, не выносил. Я решил на другой день откровенно с ним переговорить. Одевшись в соответствующую форму, я отправился к нему, он меня принял, как и накануне, крайне официально и сухо. Я ему объяснил подробно все обстоятельства, предшествовавшие моему назначению в его дивизию, причины, по которым я попал именно к нему и сказал, что я приехал на фронт не с тем, чтобы сидеть сложа руки, а работать и очень прошу его, не стесняясь, давать мне какие угодно поручения, что чем больше он мне будет давать работы, хотя бы самой и неблагодарной, тем мне будет приятнее.

Он выслушал меня и сразу переменял тон. «Так значит, Вы хотите работать? – сказал он. – А я думал, что Вы приехали на фронт, чтобы получать награды и ничего не делать, если так, то я Вас сейчас же запрягу, но Вы, наверно, ничего еще не знаете, не знаете даже как расположена дивизия?» Я ответил, что хорошо знаю расположение дивизии. Тогда он мне произвел целый экзамен и был поражен моими ответами, удивившись, как я в течении 2-х недель мог так хорошо изучить все дела. Он мне дал поручение осмотреть окопы 32-го полка и ознакомиться с расположением резервов.

Мое первое посещение передовых окопов

Первый раз я отправился в передовую линию, т. к. до приезда начальника дивизии не считал себя вправе самостоятельно ездить в расположение полков. Выехал я верхом с ординарцем, до штаба полка было 6 верст. Взяв командира полка, направился к передовой линии, проехали одну версту, после чего пришлось слезть с лошадей и идти уже пешком, т. к. вся местность была открытая и солнце светило вовсю. Отправив лошадей домой, вдвоем с командиром полка двинулись к окопам по вырытому ходу сообщения, впереди шел стрелок связи. Этот ход сообщения был почти весь завален снегом и, кроме того, уже очень много заняло бы времени идти по нему 3 версты, поэтому мы шли напрямик полем, дошли до батальонного резерва в полуверсте от окопов. Осмотрев землянки офицеров и стрелков, похожие скорее на конуры, чем на жилища, я вызвал из них их обитателей, знакомясь с офицерами и стрелками. Среди офицеров встретил бывших воспитанников Московского лицея и Александровского училища, которые меня знали по Москве и неожиданно обрадовались мне. Поговорив с ними, я пошел далее к окопам.

Чтобы не обратить внимание неприятеля, пришлось идти друг за другом в расстоянии 100 шагов. Наконец дошли до окопов передовой линии, до блиндажа, вернее конуры, покрытой бревнами, ротного командира. Первый ротный командир, с которым я познакомился, мне очень понравился. Призванный на службу из студентов Харьковского университета, будучи уже в чине поручика, он отлично знал расположение окопов, ходов сообщения, размещение людей, расположение немцев, толково и спокойно обо всем мне доложил.

В окопах в это время шла работа по очистке от снега и углублению их в некоторых местах. Большая часть людей была в убежищах, отдыхала после ночной службы, другая часть чистила окопы, третья занимала посты у бойниц, наблюдая за противником. Подробный осмотр окопов продолжался с 9½ часов утра до 2½ дня, когда я дошел до окопа смежной с нами дивизии. Осмотрев батальонный резерв и доехав на лошади разведчика до ближайшей деревни, где меня ждали мои лошади, я вернулся к себе страшно усталый от непривычки ходить по окопам, лег отдохнуть и уже потом отправился к начальнику дивизии сделать первый служебный доклад.

Первый доклад начальнику дивизии

Он, по-видимому, был очень удовлетворен моим докладом, нашел, что я очень метко обратил внимание на слабые стороны нашей позиции, и тут же утвердил мое мнение о необходимости вывести окопы двух фланговых рот на полверсты вперед. Он просил меня посетить окопы и остальные полки. Немцы, при моем первом обходе окопов, проявили необычайную любезность, не выпустив ни одного снаряда, ни одной пули, для меня это было большим разочарованием, т. к. я в то время ждал с нетерпением той минуты, когда я получу боевое крещение.

18-го числа я впервые был на одной из батарей нашей дивизии, в расположении 31-го полка, вместе с начальником дивизии. С каждым днем я к нему чувствовал все больше и больше симпатии, это был строгий к себе солдат с головы до ног, храбрый, не знавший усталости, бодрый; пешком бывало с трудом за ним поспеешь, верхом приходилось скакать, чтобы не отстать от него... В обращении он был очень суров, с начальствующими лицами и офицерами строг, с нижними чинами, строевыми, снисходителен, с нестроевыми неумолимо строг. До болезненности заботился он о стрелках, чтобы они все получили, что полагается, стрелки это очень ценили. Мне он особенно нравился тем, что это был не телефонный начальник дивизии, а полевой, на неделе он уж обязательно раза два бывал в окопах и жил все время непосредственно с дивизией. Немцам не давал отдыха, тревожа их постоянно огнем из батарей; немцы редко отвечали, но уж если решались на это, то выпускали не менее 300 снарядов; у нас в то время снарядов было сравнительно мало, но для нашей скромной стрельбы хватало.

На батарее начальник дивизии обошел землянки нижних чинов, осмотрел орудия, обо всем подробно расспросил командира батареи и затем перед строем вручил крест Георгия 1-й степени фейерверкеру батареи, поздравив его при этом подпрапорщиком. Новому георгиевскому кавалеру батарея устроила целую овацию, его качали, кричали «ура». Это был общий любимец всей бригады, до изумительности храбрый и отличный товарищ. С батареи мы прошли в находившийся в версте оттуда батальонный резерв 31-го полка. С большим уважением и интересом следил я, как генерал Редько говорил с стрелками, с каким умением беседовал он и какое впечатление производило на них каждое его слово.

Осмотрев батальонный резерв, поднялись на артиллерийский наблюдательный пункт, в это время шла сильная орудийная стрельба и над нашими головами летали наши снаряды, я прислушивался к этим, еще незнакомым мне, звукам. Немцы не отвечали. С наблюдательного пункта все немецкое расположение было видно как на ладони. Начальник дивизии, по телефону, приказал 3-й батарее открыть огонь по данной цели, и мы стали наблюдать в трубу за разрывами.

Тотчас над нашими головами пролетел снаряд, через секунду он уже разорвался у немцев, попав очень ловко в блиндаж; на наших глазах полетели бревна, доски, песок, второй снаряд угодил влево, третий прямо в окоп, мы видели, как побежали немцы и куда-то скрылись. Редько поблагодарил по телефону за стрельбу и приказал ее прекратить. Немцы сначала отвечали, а потом начали жарить, но не в нашу сторону, а правее.

Мы направились по ходу сообщения в окопы, немцы упустили огонь, и один снаряд попал недалеко от нас, испортив насыпь. Командир полка просил начальника дивизии не идти дальше, но он и внимания не обратил; в это время стали посвистывать своим неприятным звуком пули. Я был удовлетворен – первый раз попал под выстрелы, старался отнюдь не наклонять головы – «кланяться пулям», хотя при каждом свисте пули невольно как-то тянуло наклонить голову. Из окопов проехали в штаб полка, где обедали, и поздно вечером вернулись к себе.

Приезд А. Чаплиной

На другой день совершенно неожиданно в нашу дивизию приехала А. А. Чаплина¹³³, жена товарища министра юстиции¹³⁴¹³⁵, о котором я упоминал в своих воспоминаниях за 1914 год, описывая свою командировку в Баку, куда я хотел и его взять с собой, но министр юстиции¹³⁶ воспротивился. Это была премилая женщина, она приехала на фронт представительницей Петрограда, с нею и два представителя от рабочих арсенала Петра Великого¹³⁷, они привезли подарки и теплые вещи для наших стрелков. Она приехала прямо на смотр гренадер (бомбометчиков) по приглашению начальника дивизии и наблюдала, как подлезали к проволоке, резали ее, метали бомбы, ручные гранаты. Затем она обедала у нас с рабочими, по этому случаю у нас был парадный обед, скатерть вместо клеенки, вино, суп с пирогом, жареные куры, спаржа и сладкий пирог, кофе.

После обеда в 2-х автомобилях поехали в окопы, они очень хотели ознакомиться с боевой жизнью, особенно рабочие. Благодаря закрытой местности доехали почти до окопов, только версту пришлось сделать пешком. Зашли на наблюдательный пункт, о котором я говорил выше и откуда так хорошо было видно все немецкое расположение. Открыли стрельбу, наш гости наблюдали за разрывами снарядов, видели перебежавших немцев, что произвело на них громадное впечатление, и они остались в восторге от виденного. Затем спустились в окопы, где продемонстрировали им стрельбу из пулемета, а А. А. Чаплина сама стреляла по немцам из винтовки через бойницу.

Встреча рабочих с солдатами была трогательная, рабочие говорили воодушевляющие речи. Стрелки их приветствовали, благодарили, тут же раздавались подарки. Уже стало темнеть, когда мы вышли из окопов и направились на ближайшую батарею. Началась сильная метель, в офицерской столовой – землянке с сосновым срубом самого примитивного устройства – был предложен чай. Перед уходом с батареи Редько приказал открыть стрельбу залпами из всех орудий по резервам противника. Темнь была непроглядная, шел сильный снег с метелью, грянули пушки, огонь красиво вылетал из горла орудий, картина была величественная. За первым залпом грянул второй, затем орудия стреляли поодиночке. Наши гости, особенно рабочие, были страшно довольны.

Очевидно, немцам попало, т. к. не успели мы отъехать от батареи на версту, как они открыли сильный орудийный огонь. Среди метели выстрелы эти звучали зловеще, производя сильное впечатление. Не доезжая до стоянки штаба, сбились с пути и застряли в снегу. Пришлось послать на батарею за лошадьми, и полным артиллерийским уносом в 6 лошадей вытащили автомобиль из оврага. Вернувшись к себе, узнали, что немцы стреляли как раз по тому окопу, из которого стреляла А. А. Чаплина, но безрезультатно.

---

¹³³ ... Чаплина Александра Александровна, урожденная фон-Галлер, вторая жена Н. Д. Чаплина.

¹³⁴ Н. Д. Чаплин.

¹³⁵ ...товарищ министра юстиции – Чаплин Николай Дмитриевич (1852 – после 1932), действительный тайный советник (1916), сенатор (1905). С 06.05.1905 по февраль 1917 – управляющий Межевой частью на правах товарища министра юстиции.

¹³⁶ И. Г. Щегловитов.

¹³⁷ ...Петр Великий – Петр I (1672–1725), царь (с 1682), император (с 1721).

Вступление в командование бригадой

В этот день уехали генерал Романов к новому месту служения начальником штаба сводного Осовецкого корпуса¹³⁸, я вступил во временное командование бригадой впредь до назначения на эту должность высочайшим приказом, каковой состоялся 26 декабря. Таким образом, с 18-го ноября я уже занял официальное положение на фронте и стал получать содержание по новой своей должности – жалованье по сибирскому окладу (несколько повышенному вместо 125 руб.) 161 руб., столовых 216 руб., фуражных 83 руб., полевых порционных 240 руб., на дрова 5 руб. 80 коп. и на освещение 3 руб., всего 708 р. 80 коп. в месяц, что, при небольших расходах на войне, составляло очень большую сумму.

---

¹³⁸ ...сводного Осовецкого корпуса – имеется в виду временное соединение в составе 57-й и 111-й пехотных дивизий под командованием генерал-лейтенанта Бржозовского Николая Александровича (1857– не ранее 1920).

Взятие в плен немецкого аэроплана

23 ноября в нашей дивизии было ликование – 31-й полк подбил немецкий аэроплан, который принужден был спуститься в наше расположение. В это время я сопровождал начальника дивизии при его обходе окопов 32-го полка, над нами красиво летали два немецких аэроплана, я наблюдал за ними в бинокль и обратил внимание, что один был новенький с иголки, все у него блестело, другой же старой конструкции, загрязненный. Они перелетели наши окопы и направились в наш тыл, скрывшись из виду.

Спустя некоторое время вновь мы услышали шум мотора и над нами в обратном направлении пролетел грязный аппарат, я сказал начальнику дивизии, что, очевидно, новенький улетел в другую сторону, мы и не подозревали, что в эту минуту аппарат этот был уже в наших руках. Об этом мы узнали, вернувшись в штаб, и тотчас поехали в 31-й полк полюбоваться нашим трофеем.

Аппарат оказался действительно совершенно новеньким, последней конструкции¹³⁹, на нем нашли чудный фотографический аппарат¹⁴⁰, снимавший на расстоянии 2-х верст со всеми подробностями, объектив в нем был так устроен, что приближал к себе все видимые предметы, и детали местности выходили на снимках поразительно отчетливо. Кроме фотографического аппарата, на аэроплане оказался и беспроволочный телеграф новейшей конструкции. Пуля одного из стрелков 31-го полка угодила как раз в бензиновый бак, который оказался пробитым насквозь, летчикам ничего не оставалось, как спланировать, они пытались это сделать на свою сторону, но наши направили на них ружья, и они предпочли не рисковать. Летчики – их было два – имели весьма сконфуженный вид, но с гордостью заявляли, что уверены в победе, что у них всего вдоволь на 2 года, и им сейчас легче воевать, чем в начале. Их отправили в штаб армии.

---

¹³⁹ ...Аппарат оказался действительно совершенно новеньким – имеется в виду многоцелевой самолет Альбатрос С-III с мотором Мерседес 160 л. с.

¹⁴⁰ ...фотографический аппарат – длиннофокусный аппарат со штормо-щелевым затвором, производства немецкой фирмы Герц-Аншютц.

Обход окопов 29-го полка

21 ноября я осматривал окопы 29-го полка, ближайшего к немцам. Между нашими и немецкими окопами было всего 300 шагов, и потому этот полк постоянно подвергался обстрелу. Этому обстрелу подвергся и я, это было мое первое настоящее боевое крещение. Обстреливали меня и моих спутников три раза, когда мы шли ходами сообщения между взводами по совершенно открытым местам, и наши папахи ясно были видны немцам. В одном из этих мест нас буквально засыпали пулями, было, конечно, неприятно с одной стороны пропасть ни за грош, но с другой стороны в душе чувствовался какой-то спортивный задор, и я нарочно замедлял шаги и даже останавливался, обращаясь с ненужными в сущности вопросами к ротному командиру и офицерам; это было своего рода ненужное бахвальство, хотелось показать свое хладнокровие. И все же, когда я вошел в окопы, прикрытые от оружейного огня, я почувствовал какое-то облегчение и помолился в душе, что остался невредим.

В окопах было уже безопасно, но звуки от ударов пуль о деревянные козырьки производили впечатление гораздо более неприятное, чем свист пуль. Я заметил при этом одного стрелка, стоявшего у бойницы, в которую особенно ударялись пули. Этот стрелок стоял весь посиневший и дрожащий. Я спросил его: «Чего ты дрожишь? холодно, озяб?» «Никак нет». «Боишься пуль, немцев?» «Никак нет». «Чего же ты боишься? Начальства?» «Так точно», — обрадовано ответил он. Мы не могли удержаться, чтобы не расхохотаться.

На другой день начальник дивизии и я были приглашены на обед в наш передовой отряд Красного Креста в дер. Зарудичи. Обед был чудный, нас принимали с трогательным гостеприимством. Во главе отряда уполномоченным состоял премилый и симпатичный князь Святополк-Мирский¹⁴¹. После обеда он нас привез домой на чудной тройке.

В этот день, вернувшись домой, начальник дивизии дал мне новое и очень трудное поручение — заняться продовольствием дивизии, выяснить все плохие стороны постановки этого дела, отношение интендантства и т. д. Задача была трудная и совсем для меня новая. Чтобы облегчить мне ее и направить меня, он повез меня на другой день в 29-й полк, где наглядно показал, что именно он требует от полков. Я тотчас же принялся за это новое порученное мне дело и, вызвав к себе начальников хозяйственных частей полков, выяснил с ними все недостатки по продовольственной части. Выработав ряд мер, одобренных затем начальником дивизии, я усиленно стал объезжать полки, поверяя продовольствие. Как результат этих проверок привожу одно из моих донесений по этому поводу:

«Начальнику 8 Сибирской стрелковой дивизии

27 ноября 1915 г. 12 час. дня № 3.

г. дв.¹⁴² Залесте.

Сего числа мною произведена проверка продовольствия в 32-м Сибирском стрелковом полку. Пища готовилась в 18-ти кухнях и 3-х кипяtilьниках из имеющихся 4-х, что нельзя признать нормальным. Произошло это вследствие прибывших пополнений, т. к. имеющихся кухонь недостаточно для полного состава полка. Для пополнения кухонь командиром полка было заказано несколько, из них только что прибыло две кухни, но еще не были в употреблении. Во время моего посещения только в одной кухне 1-й роты обед был готов и выдавался караулу при знамени. Пища удовлетворительна, но навару мало и чересчур пресно, что не может

¹⁴¹ ...Святополк-Мирский Михаил Николаевич (1870–1938), князь, камергер. В 1915–1917 гг. уполномоченный Гродненского передового санитарного отряда РОКК. После 1918 — в эмиграции в Болгарии, позднее в Польше.

¹⁴² Г. дв. — здесь и далее — господский двор.

не отражаться вредно на здоровье нижних чинов, происходит это вследствие недостатка продуктов. В настоящее время интендантством не доставляется целый ряд продуктов, при проверке мною требований от полка с 15-го сего ноября и по сегодняшнее число оказалось недополученным: крупы гречневой 248 пуд., масла или сала 85 п., макарон 120 п. 16 фун., сухих овощей 43 п. 16 ф. табаку 58 пуд., луку 60 пуд., рису 74 п. 10 ф., гороху 195 пуд., муки подболтной 10 п., соли 89 п. 34 ф., перловой крупы 40 п., сахару 88 п. 8 ф. Эти суммы составляют сложение количества продуктов, требовавшихся каждый день и не полученных.

Вследствие сего придерживаться листа припасов не представлялось возможным, и при раскладке придерживаются только пропорциональности вкладывания в котел зависимости от имеющихся на лицо продуктов. Хлеб и мясо в настоящее время имеются в достаточном количестве, также и фуража для лошадей.

При осмотре мясных порций, предназначенных для учебной команды полка, обнаружено, что порции весьма неравномерны, некоторые весили до 32 золотников, а были весом и 22-х, причем и по качеству были очень разнообразны. Происходило это, по-видимому, оттого, что, во-первых, на весь полк только двое весов для вешания порций и мелких продуктов, а во-вторых, что режут порции неопытные рабочие, а артельщик мало надзирает за ними. При этом мною было обращено внимание на отсутствие фартуков и неопрятность рабочих, деливших порции и отделявших мясо от костей, заведующий обозом I разряда мне доложил, что полотно для фартуков получено, задержка была в нитках и иголках, которые также теперь получены, и к шитью фартуков приступлено.

При осмотре мною расположения обоза I разряда все найдено порядке.

Свиты генерал-майор

Джунковский».

Только я покончил с продовольственным делом, как начальник дивизии возложил на меня другую работу – наблюдение за обучением в учебных командах по подготовке унтер-офицеров в полках. Это новое поручение сопряжено было с постоянными разъездами – фронт дивизии занимал 15 верст в длину и 10 в. в глубину, учебные команды были раскинуты на всем протяжении. Это было очень трудно, отнимало все время с утра до позднего вечера, но зато я, в короткое время, обстоятельно сам изучил службу и когда мне пришлось в начале декабря, через месяц по моему приезду на фронт, вступить во временное командование дивизией, вследствие отъезда генерала Редько, я был уже в курсе решительно всех дел дивизии.

В это же время в нашу дивизию пришло пополнение, к счастью, из Сибири, а то последние полгода нам присылали самый разнородный элемент, половину неграмотных, плохо обученных, так что приходилось их обучать заново. Этот пришлый элемент, особенно из фабричных мест, вливаясь в войска, имел отвратительное влияние на стрелков, вследствие чего было сделано распоряжение комплектовать сибирские войска сибирскими же пополнениями. Сибиряки сразу выделялись, у них и взгляд был совсем другой, живой, сметливый, среди них было мало безграмотных, и к делу относились они с большей сознательностью.

Вместе с начальником дивизии я ездил смотреть это вновь прибывшее пополнение. Редько почти с каждым поговорил, и я, идя за ним, учился у него как надо говорить с людьми. Он удивительно умело предлагал им всевозможные вопросы, говорил таким ясным простым языком, вообще каждое его посещение какой-нибудь части всегда оставляло надлежащий след – он требовал от каждого сознательного отношения к делу, чтобы каждый знал и понимал, для чего от него требуют то или другое.

К обозным и каптенармусам, выдавшим хозяйственную часть, он бывал беспощаден. Как-то раз он встретил походную кухню, рядом с которой шел каптенармус. Остановив ее, он попробовал пищу, проверил мясо и вдруг заметил рядом с мясом теплые портянки. Тотчас позван был начальник хозяйственной части, каптенармусу приказано было снять одну нашивку (разжаловать в младшие унтер-офицеры) и отослать в строй.

Другой раз он, поверяя припасы в одном из полков, обратился к каптенармусу с вопросом: «Сколько ты денег послал на родину?» «Десять рублей». «Почему так мало?» «Я только неделя, что каптенармус», – чистосердечно с наивностью ответил каптенармус. Редько вышел из себя, приказал немедленно лишить его унтер-офицерского звания и перевести в строй в другой полк.

К строевым же он относился очень хорошо, но не выносил лжи, не дай Бог, если кто-нибудь скроет что-нибудь или скажет неправду – такой человек для него уже конченный. Он говорил всегда, что надувать можно только интенданство, т. к. иначе люди будут голодать, что плох тот командир, который надеется на интенданство, его часть всегда будет разута, раздета и голодна.

Георгиевский праздник

26 ноября в день Георгиевского праздника был парад георгиевским кавалерам из 31-го полка по случаю его полкового праздника, а также и 2-й батареи. Это был первый парад при мне, полк был построен в лесу, где нашлась большая удобная поляна, после молебствия полк и георгиевские кавалеры проходили церемониальным маршем, я проходил на правом фланге полка. Затем были здравицы, на мою долю выпал тост за начальника дивизии, как кавалера «георгиевского» оружия. За мое здоровье тост провозглашен был командиром полка, который пожелал, чтобы моя грудь украсилась Георгием. Погода была отчаянная, то дождь, то снег с сильным ветром. Оттуда проехали на позицию 2-й батареи. У самых орудий, замаскированных еловыми ветвями, был устроен шатер для молебна, после чего артиллеристы прошли церемониальным маршем в пешем строю. По окончании в одной из халуп в импровизированной столовой состоялся завтрак, меню было самое разнообразное, присутствовали все, не бывшие в наряде, офицеры бригады.

Так было хорошо, уютно, оживленно, дружно, тосты следовали один за другим, касаясь главным образом боевых воспоминаний. Только к вечеру мы двинулись к себе, немцы в это время открыли пальбу из орудий, было удивительно красиво наблюдать разрывы шрапнелей среди темноты, разрываясь, эти шрапнели освещали нам путь, не причинив никому вреда. Наши не отвечали, и немцы скоро умолкли.

Я вступаю первый раз во временное командование дивизией

28 ноября начальник дивизии был вызван в штаб армии и я, вследствие приказа по корпусу, вступил первый раз в командование дивизией не без волнения. Первый раз я самостоятельно принял доклад начальника штаба и дивизионного интенданта¹⁴³¹⁴⁴. В этот же день на мою долю выпало произвести опыты с светящимися снарядами и гасителями.

Светящиеся снаряды выпускали из гаубиц, они разрывались на воздухе на довольно большой высоте, освещая немецкое расположение, вспышки горели на воздухе больше минуты, что было вполне достаточно для наблюдения за падением наших снарядов, которые пускались батареями один за другим вслед за светящимися. Это было очень красивое зрелище. Затем были опыты с гасителями – это снаряды, огонь которых гаснет еще в канале орудия, так что почти не видно совершенно, как он вылетает из орудия и как летит. Опыты удались вполне, у немцев в то время таких снарядов не было и для них появление таковых у нас было совершенной неожиданностью. Когда мы уже возвращались домой, немцы стали громить в отместку наши окопы, но, к счастью, без результата.

На другой день я был у обедни на ст. Залесье, служба шла в зале 1 класса, после чего пил чай в поезде Гучкова. К обеду приехал мой друг Веревкин – виленский губернатор, переведенный в Ревель. Я ему очень обрадовался, мы с ним дружески поговорили, он посидел у меня после обеда часок и уехал.

---

¹⁴³ М. М. Карин.

¹⁴⁴ ...дивизионного интенданта – Карин Михаил Михайлович (1867–1919), генерал-майор (1915). С 13.05.1915 по 27.02.1917 – дивизионный интендант 9-й Сибирской стрелковой дивизии. Расстрелян большевиками.

Встреча с москвичами

30 ноября я все утро поверял обучение учебных команд и пополнения полков и, найдя много неправильного, вызвал к себе командира полка, указав им на все недочеты.

Посетив землянки последних пополнений, я был приятно удивлен, встретив в одной из них до 160 уроженцев Московской губернии. Можно было подумать, что их нарочно прислали ко мне. Я велел им выстроиться, спросил, не помнит ли кто из них меня? На это раздались голоса, страшно тронувшие и взволновавшие меня: «Так точно, вы изволите быть Жонковский, наш губернатор», «Владимир Федорович»... «Где же вы меня видели?» – спросил я. «Вы приезжали к нам на наводнение», «Вы были у нас на освящении памятника», «Вы были у нас в школе» и т. д. Удивительно мне это было приятно, и глядели они так радостно и бодро.

Я им сказал несколько слов о том, что, очевидно, сама судьба столкнула меня с ними, что мы вместе будем бить немца и что они должны помнить, что т. к. я считаю их родными мне, то буду краснеть за всякий их дурной поступок, и потому прошу их меня не подводить и стараться служить примером другим, показать, как служат москвичи. С большим подъемом провожали они меня, когда я с ними простился.

Возвращение начальника дивизии

3 декабря возвратился начальник дивизии. Слава Богу, эти пять дней его отсутствия и моего командования дивизией прошли благополучно. За его отсутствие я позволил себе сделать одно крупное распоряжение, и я не знал, как Редько отнесется к нему. При посещении моем 32-го полка, стоявшего в резерве, я пришел в ужас от того, как он был разрешен, во-первых, он был раскинут на протяжении 4 верст, во-вторых часть землянок настолько была ужасна, даже офицерские, в которых, когда я вошел, на полу стояла вода и с потолка капало от сырости. Увидев это, я тотчас распорядился свести весь полк в одно место в сосновый лес, где имелись готовые землянки для 2-х батальонов, и приказал построить там же другие для других 2-х батальонов, для чего отменил на время все занятия и командировал еще сапер для руководства работами. Я несколько тревожился, как бы мне не влетело за отмену занятий, но начальник дивизии, напротив, меня очень поблагодарил за мое энергичное распоряжение. При этом он мне передал, что в штабе армии все очень интересовались моей службой, расспрашивая его, а Эверт ему наговорил по моему адресу очень много лестного.

В этот вечер к нам перебежали три наших мужичка Пермской губ., бежавшие из плена. Я пишу «мужички», т. к. солдатского вида у них не было вовсе, нельзя было даже подумать, что они когда-нибудь были солдатами.

Я их допрашивал, оказалось, что они работали в 25 верстах от нашей линии на жел. дороге, в числе 600 человек, все наши. Я спросил, почему они бежали? Они ответили, что плохо кормили, давали во $\frac{1}{2}$ ф. хлеба в день, а что палками били, то это еще терпеть можно, также и когда за воровство на час времени подвешивали¹⁴⁵. Я спросил, бежали ли бы они, если бы кормили хорошо, они ответили: «Зачем же тогда бежать?» Грустно было слышать такие ответы, убеждаться в полном отсутствии сознательности.

6-го декабря в день именин государя один из полков в дивизии, а именно 32-й, праздновал свой полковой праздник и т. к. он стоял в резерве, то можно было устроить настоящее празднество. Накануне в местной церкви дер. Михневичи была отслужена всенощная и панихида по убиенным, а в самый день праздника обедня, после чего состоялся парад в присутствии корпусного командира. Полк был выстроен покоем на огромном поле у опушки леса, в котором полк был расположен в землянках. В строю было 4000 человек.

Сначала приехал я, поздоровался с полком, удивительно приятно бодрящее чувство охватывает, когда в ответ на приветствие раздается бодрое единодушное «здравие желаем» нескольких тысяч человек, сразу по тону ответа чувствуется настроение части. Затем приехал Редько и, наконец, корпусный командир Трофимов. Погода была хмурая, это было очень кстати – тучи помешали вражескому нашествию аэропланов. После молебствия священник связал чудное слово, простое захватывающее, затем полк прошел церемониальным маршем. Проходили блестяще, лучше было трудно, корпусный командир благодарил несколько раз. После его отъезда начались здравицы. Начальник дивизии произнес речь очень дельную и содержательную, но чересчур длинную, это было большим ее недостатком, а тем более что ведь только половина всех людей могли его слышать, а понять его речь могли не более четверти. Командир полка¹⁴⁶¹⁴⁷, провозглашая мое здравие, пожелал мне поскорее получить дивизию, что вышло не особенно удачно.

---

¹⁴⁵ ...на час времени подвешивали – имеется в виду наказание, практикуемое немецкой лагерной администрацией для военнопленных, подвешивание за связанные руки к столбу.

¹⁴⁶ Ф. В. Костяев.

¹⁴⁷ ...Командир полка... – Костяев Федор Васильевич (1878–1925), генерал-майор (1917), в 1915 – полковник, командир 32-го Сибирского стрелкового полка, с 08.02.1917 – начальник штаба 17-й Сибирской стрелковой дивизии, позднее начальник штаба 1-го Сибирского армейского корпуса. С 1918 – в РККА.

По окончании парада направились к землянкам, пробовали пищу. Люди получили суп с рисом $\frac{3}{4}$ фун. мяса, $\frac{1}{2}$ фун. сала, ячневую кашу с изюмом и по белой булке. Надо было удивляться изворотливости полков, чтобы на позиции суметь приготовить все это на такое количество. В бывшей еврейской корчме, отведенной под офицерское собрание, состоялся обед, на который приглашены были и врачи и сестры двух отрядов «гучковского» и Гродненского. Сестер всех посадили за генеральский стол, т. к. незадолго перед тем вышел приказ Эверта по поводу ухода за сестрами. Приказом воспрещалось офицерам и классным чинам ухаживать за сестрами «в каком бы виде таковое не выражалось». А т. к. про генералов не было упомянуто, то и посадили сестер среди генералов, тут же сидела и старушка мать одного из офицеров, приехавшая с Кавказа навестить сына.

Обед был обильный, закуски, суп с зеленью и кулебякой, поросенок с кашей, гусь с капустой и вместо пирожного очень вкусный крешен, белое и красное вино с яблоками. Оригинальный напиток, но вкусный и не крепкий. Вернулись к себе только в 5 часов.

На другой день я, по поручению начальника дивизии, осматривал передовой перевязочный отряд дивизии, пробовал пищу в команде гренадер 30-го полка (так назывались команды, вооруженные ручными гранатами) и присутствовал на обучении рот пополнения рассыпному строю. Ночью же отправился в окопы, мне хотелось ознакомиться с жизнью в окопах в это время, днем ведь служба в них замирала, оставались одни наблюдатели, ночью же шли и работы и занятия, все люди были на ногах. С 9 $\frac{1}{2}$ часов вечера и до 7 утра я успел обойти линию окопов всей дивизии, меня сопровождал начальник штаба. Начали с правого фланга, где производились работы по выносу окопов на $\frac{1}{2}$ версты вперед.

Пройдя вперед за проволочное заграждение, мы осмотрели произведенные работы, а затем направились к району соседних рот, которые не знали о нашем прибытии. Тени наши за проволокой показались наблюдателям подозрительными и со всех сторон были высланы цепи, чтобы нас окружить. Хорошо еще, что не открыли стрельбу. Проверив секреты, находившиеся впереди, мы вернулись в окопы и продолжали обход, успев к утру пройти всю линию в 15 верст. Было очень трудно идти, т. к. перед тем была оттепель и земля замерзла колдобинами. Везде я нашел все в большом порядке. Немцы нас не трогали, несмотря на то что мы довольно близко подходили к их проволочным заграждениям, но когда я приказал одному пулеметчику выпустить пол-ленты по окопам немцев, а проходя мимо пушки Гочкиса¹⁴⁸, пустить в них парочку гранат, то немцы в отместку открыли довольно сильный ружейный огонь, но впустую. Когда мы выходили из окопов, подъехали походные кухни с утренней пищей для стрелков. Я попробовал, пища оказалась прекрасной.

Около 10 декабря зима наконец, по-видимому, установилась, а то все время была распутица, то снег, то дождь, людям в окопах приходилось очень тяжело от таких перемен погоды. 10 декабря был первый сильный мороз, температура опустилась до 17°. В этот день начальник дивизии поехал в дивизионный обоз и взял меня с собой, пришлось проехать на автомобиле 15 верст, благодаря моему чудному полушубку я не ощущал вовсе холода. Дивизионный обоз, о котором я не имел до того никакого понятия, представлял собой огромное учреждение – более 1000 повозок – оно было главной продовольственной базой дивизии.

Начальник дивизии при мне произвел на выдержку проверку разных припасов, все оказалось на месте и все в большом порядке. Оттуда заехали в Пермский лазарет, обошли раненых, напились чаю у сестер и вернулись домой. На обратном пути нас застала сильная метель,

¹⁴⁸ ...пушка Гочкиса – 47-мм скорострельная пушка Гочкиса – нарезная казнозарядная скорострельная корабельная пушка, разработанная французской фирмой (Hotchkiss et Cie) и принятая на вооружение в Российском флоте в 1888. В 1-й мировой войне, когда война приобрела позиционный характер, армии потребовалась легкая и отличающаяся высокой точностью стрельбы траншейная пушка. В гражданских мастерских или силами воинских частей под пушки начали изготавливать деревянные колёсные лафеты. Орудия на таких лафетах считались самым действенным оружием против пулемётов противника, но из-за тяжёлого ствола и сильного отката лафет часто ломался.

которая продолжалась три дня, снегу навалило целые горы, окопы с трудом удавалось расчищать. В самую сильную метель я отправился проверить запасы продовольствия в обозах II-го разряда. Первый раз поехал в санях, которые купил за 25 рублей у одного крестьянина. Меня конечно в такую пургу не ждали, но все оказалось в большом порядке, я осмотрел обозы всех 4-х полков, лошадей, повозки, цейхгаузы, пробовал пищу. В 2-х полках пища была на редкость чудная, кашевары получили от меня по рублю. Не обошлось и без комичности – начал я с 32-го полка, где меня, конечно, не ждали, пища была чудная, но кашевары были в засаленных грязных фартуках, в 31-м полку кашевары уже успели надеть белый чистый передник сверх засаленного, в 30-м – оба кашевара были в белых рубахах и передниках, а в 29-м – кроме снежной белизны фартуков и рубах, кашевары были в чудных с иголочки новых поварских колпаках, как мне показалось, даже накрахмаленных.

Я рассказывал об этом, смеясь, начальнику дивизии и сказал, что очевидно, если бы было еще несколько полков, то, пожалуй, костюмы кашеваров продолжались бы украшаться crescendo¹⁴⁹. Но пищу подменить не успели, и в 29-м полку она была хуже, за что старательному кашевару от меня влетело.

---

¹⁴⁹ По нарастающей.

Приказ по армии

Я уже писал выше о приказе Эверта, воспрещавшем офицерам и классовым чинам ухаживать за сестрами, теперь же последовал дополнительный относительно врачей. Генералов оставили в покое, очевидно, их считали, по возрасту, уже не опасными, а про пословицу «седина в бороду, а бес в ребро» Эверт позабыл. Одновременно получили в штабе и совершенно секретную бумагу, чтобы не принимать и не передавать никаких сведений о Распутине, об его жизни, поступках и вообще говорить о нем. Это было и смешно, и возмутительно, и просто не умно – у нас и так никогда никто не интересовался и не говорил о Распутине, а с получением этой бумаги, которую все же читали писаря, начались всевозможные, закулисные толки и, во всяком случае, не в пользу династии. Меня это распоряжение страшно расстроило и вывело несколько из спокойной колеи, как новое подтверждение, что Россия-матушка катится под гору.

14 декабря прибыл целый возок с вещами из склада императрицы на мое имя для дивизии, благодаря хлопотам моей дорогой сестры. Я был страшно счастлив, что мог их раздать своим стрелкам. Я лично, с разрешения начальника дивизии, распределил все вещи между четырьмя полками, сотней казаков, ротой сапер, командой при штабе и семью батареей. Все были в таком восторге, вещи присланы были самые нужные. Накануне, по случаю воскресного дня, я был в церкви у обедни в местной церкви, много крестьян исповедовалось и причащалось. Жаль было на них смотреть, все они были разорены, жили в сфере огня, и каждый день случайно попавшим снарядам последнее их имущество могло быть уничтожено, а сами они искалечены. Много я передумал, глядя на них, когда они подходили к святому причастию, на их лицах отражалась вся их внутренняя скорбь и в тоже время отсутствие какого-либо ропота.

После обедни я сидел дома, обдумывал, как устроить елку у нас в штабе. Благодаря суровому и необщительному характеру начальника дивизии царил какой-то гнет, а это очень тяжело действовало на настроение. Начальника дивизии все сторонились, и между ним и чинами штаба стояла какая-то стена. Вот я и задумал устроить елку, чтобы несколько оживить атмосферу, разбить эту стену. Редько, к моей радости, пошел мне навстречу и принял устройство елки очень близко к сердцу. Я переговорил со всеми офицерами и предложил каждому внести некоторую сумму сообразно получаемого содержания. С прапорщика, получавшего 100 руб. жалованья в месяц, пришлось 3 руб., с меня 40 руб., с начальника дивизии – 50 руб. Суммы для каждого необременительные. Таким образом, все чины штаба являлись хозяевами на предстоящем празднике. Решено было пригласить врачей и сестер трех отрядов Красного Креста и представителей от всех полков и частей дивизии. Т. к. мне, благодаря моей связи с чинами корпуса жандармов, облегчены были сношения с Петроградом по пересылке и грузов, и багажа, то я предложил взять на себя все хлопоты по покупке всего необходимого чрез мою сестру и пересылке к нам.

Вступление во временное командование дивизией

15 декабря в приказе по 3-му Сибирскому армейскому корпусу было отдано следующее: «Отъезжая сего числа с разрешения командующего армией в г. Минск, приказываю во временное командование корпусом вступить начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанту Редько, а во временное командование 8-й сибирской стрелковой дивизией командиру бригады этой же дивизии Свиты его величества генерал-майору Джунковскому.

Командир корпуса генерал-лейтенант Трофимов».

Отсутствие Трофимова предполагалось в течении 5 недель, так что на все это время мне пришлось взять на себя всю ответственность по сложной работе управления дивизией. Я успокаивал себя тем, что все чины штаба и начальники частей дивизии считали меня уже своим и относились ко мне с большой предупредительностью и потому у меня была какая-то уверенность, что они не подведут меня, а напротив, будут мне помогать всеми силами для выполнения возложенной на меня задачи.

На фронте в то время было затишье, боевых столкновений не ожидалось, но зато на позициях шли усиленные работы по их укреплению; все время свыше сыпались суровые приказы, присылали недовольные депеши, что работы идут очень медленно, а между тем, благодаря непогоде работать было трудно, земля промерзла местами до $\frac{1}{2}$ аршина, а настоящего инструмента не было, приходилось работать кирками – молотами, при ударе коими отлетал небольшой комок мерзлой земли. Кроме того и кирок этих было мало, а покупать их не разрешалось, боялись поднятия цен. Вот и приходилось мучиться над этим вопросом как быть? Работы шли при этом на совершенно открытой местности, что еще более их осложняло, т. к. производить их можно было только с наступлением темноты, днем немцы обстреливали, и даже в светлые лунные ночи было далеко не безопасно.

Работы эти отнимали, таким образом, массу времени и разбалтывали людей, что вредно отражалось на настроении части, и я все усилия употреблял, чтобы с ними поскорее покончить, зачастую лично посещая их, т. к. надо было заняться строем, сколотить людей; в это время в роты были влиты пришедшие пополнения (за последние месяцы до 8000), поэтому надо было дать время ротным и взводным изучить своих людей, подготовить их, серьезно заняться ими, воспитать, т. к. большинство пополнения представляли из себя едва-едва обученных мужичков, которые при первом полете «чемодана» могли самым добродушнейшим образом удрать.

А тут еще было объявлено, что фронт дивизии с 20 декабря будет удлинён и на позиции в окопах будут стоять 3 полка, вместо двух, и только один в резерве – для работ и занятий должно было таким образом остаться еще меньше людей. Кроме этих забот по строевой части, приходилось все время тревожиться по продовольственной части – никогда нельзя было быть уверенным, что подвезут достаточное количество продовольствия и фуража.

Каждый день приходилось с тревогой ждать доклада дивизионного интенданта о том, подвезли ли по железной дороге требуемое количество? В первые дни моего вступления в командование дивизией был кризис с хлебом, который доставляли из корпусной хлебопечкарни из Минска; произошла заминка, пришлось перейти на сухари, а при стоянке на месте это представляло собой крайне нежелательное явление, возбуждавшее далеко не желательные толки. Все время приходилось нажимать на интендантство – в этом отношении я совершенно не стеснялся и чуть только мне казалось, что есть опасность чего либо недополучить, то сейчас же я посылал одну депешу грознее другой, умышленно сгущая краски.

А раз и с интендантством у меня был такой случай – стали присылать мясные туши, замороженные и не отделенные от кожи. Приходилось туши оттаивать, для чего вносить их или в землянки, или в избу. Процедура отнимавшая много времени, а кроме того при оттаива-

нии текло, при снятии кожи отпадали куски, которые тут же падали, все это вымыть бывало иногда прямо невозможно, и в избе или землянке получалась целая зараза. Полки взвыли и действительно были правы. Я приказал тогда дивизионному интенданту послать депешу корпусному, что по моему приказанию полки не будут принимать туши с кожей. Дивизионный интендант взмолился, говоря, что если он подпишет такую депешу, то его съест корпусный интендант. Тогда я сам подписал депешу и вызвал к себе начальников хозяйственных частей, запретив им принимать такие туши. Если же других не будут присылать, то обойтись своими средствами, покупать мясо или варить из консервов. Одну партию интендантство прислало, ее не приняли, в следующий раз прислали уже мясо, отделенное от кожи. Редько меня очень благодарил, что я так поступил. Только такими приемами удавалось поддержать равновесие в деле продовольствия.

А на позициях в окопах с питанием людей было очень сложно. Наша дивизия занимала окопы на совершенно открытой местности, и потому кухни были очень отдалены от позиции, у одного из полков кухни были в 10 верстах. Приходилось, таким образом, ежедневно лошадям делать два раза по 20 верст. Это совершенно выбивало их из сил. Подвозить кухни к окопам можно было только в темноту – обед к 6 часам вечера, ужин к 6 утра, а когда бывала яркая лунная ночь, то всегда являлась опасность, что кухня не доедет, что немцы обстреляют.

Такие случаи бывали, но, к счастью редко, при мне таковых было только два, когда снаряд угодил прямо в походную кухню. Я все же распорядился перевести все кухни на расстояние не больше 4 верст, устроив для них надежные убежища.

Все вот эти вопросы страшно волновали, ни минуты нельзя было оставаться спокойным, а мне, как новичку в этом деле, представлялись всякие ужасы и каждый недочет какой-нибудь, даже мелочный не давал мне покоя.

Среди всех хлопот по обучению дивизии и по питанию ее, я объехал и все те части дивизии, с которыми еще не был знаком и которые я не успел объехать с начальником дивизии. Это было два дивизионных лазарета и все батареи. Один из лазаретов помешался в дер. Заскевичи в 7 верстах от расположения штаба. Туда я и проехал на третий день моего вступления в командование дивизией. Погода была чудная, и я с удовольствием проехал туда верхом, было солнце при 5° мороза. Приехав в лазарет, я нашел помещение для раненых и больных ниже всякой критики. Избы были приспособлены под лазарет, но крайне небрежно, рожистый больной лежал вместе с другими, а один больной с 40 температурой лежал не на нарах, а на горячей печке. Мне это было очень неприятно, я не сдержался и наговорил врачу неприятностей, а затем командировал дивизионного врача¹⁵⁰¹⁵¹ для приведения всего в порядок, на что дал им три дня срока.

Что было хорошо там устроено, так это зубо врачебный кабинет. Он был обставлен великолепно, чистота безукоризненная, хотя устроен он был в простой хате, при этом оборудование не оставляло желать лучшего. Тоже прекрасный порядок я нашел в фельдшерской школе. Пользуясь затишьем, начальник дивизии устроил обучение солдат фельдшерским наукам и искусству, обучалось в этой школе по 50 учеников от полка. Обучение велось очень хорошо. Это школа сослужила дивизии большую службу во время боев.

¹⁵⁰ П. П. Оссовский.

¹⁵¹ ...дивизионного врача... – Оссовский Петр Петрович (1871 – после 1934), статский советник, выпускник Военно-медицинской академии.

Поразительный случай в пехотной дивизии

Вернувшись к себе, я узнал о поразительном случае, происшедшем в соседней с нами дивизии и произведшем на всех огромное впечатление, заставившем многих неверующих подумать о Боге. В одном из полков этой дивизии один нижний чин отказался идти с ротой на работы, сказав, что он уже работал прошлую ночь и не желает идти опять.

На повторенное ротным командиром приказание он дерзко ответил и даже изругал его. Тогда ротный командир, не желая подвергать его военно-полевому суду, что грозило расстрелом, приказал его высечь, после чего он пошел на работу. На другое утро этот самый солдат подошел к ротному командиру и спросил его, за что он приказал его высечь, тот ответил, что он сам это отлично знает, и послал его в землянку. Повернувшись и сделав вид, что он идет в землянку, солдат подкрался сзади и выстрелил из винтовки ротному командиру в спину, когда же тот упал, то лежащему стал наносить штыком одну рану за другой. Его схватили, связали, назначали сейчас же полевой суд, который и осудил его к расстрелянию. На суде он себя держал дерзко вызывающе. После произнесенного приговора к нему явился полковой священник, но скоро от него вышел, говоря, что это не человек, а какой-то зверь, что он его прогнал и выругал, отказавшись от причастия. Тогда командир полка попросил благочинного дивизии¹⁵²¹⁵³ пойти попробовать воздействовать на него, вызвать покаяние.

Благочинный, незаурядный священник, сумел к нему так ласково подойти, разбудить заглухшее чувство совести, что тот постепенно стал каяться, вылил всю свою душу, он исповедался, как редко кто может, и причастился с глубоким смирением. Благочинный ему сказал, что от смерти его спасти теперь никто не может, что он кончает свою земную жизнь, но что там за гробом его ждет другая жизнь, что когда разбойник умирал на кресте, будучи полон грехов, ему за одно только слово, обращенное ко Христу «помяни мя Господи, когда приидеши во Царствие Твое», были прощены все грехи и он очутился в раю, и что если и он также покается, то и ему Господь простит его грехи.

После этого осужденный совсем успокоился, вдохновился и с полным сознанием бодро пошел на место казни, провожаемый благочинным. Тут к нему подошли все солдаты, назначенные для приведения в исполнение приговора, каждый из них просил его простить, говоря, что исполняет свой долг, он каждого обнял, просил прощения, затем просил повидать фельдфебеля, поклонился ему до земли, просил простить его и совершенно спокойно сам надел на себя саван. В момент, когда раздалась команда, послышался возглас «помяни меня Господи во Царствии Твоем». Раздался залп, все было кончено.

Этот случай произвел сильное впечатление на солдат, многие неверующие стали верующими, так необычайно на глазах у них преобразился человек после разговора с благочинным. Уважение к последнему сразу еще более выросло, его имя приобрело известность в полках всей армии, что касается роты, которая была в полку на очень неважном счету, стала неузнаваемой, люди стали из кожи лезть, чтобы выполнить все, что от них требовалось, она стала первой по исполнительности в полку.

Если бы было побольше таких священников, сколько просветления могли бы они внести в темную народную массу.

---

¹⁵² П. А. Мансуровский.

¹⁵³ ...благочинного дивизии... – имеется в виду Мансуровский Павел Андреевич (1876 – после 1930), протоиерей, в 1915–1916 гг. благочинный 8-й Сибирской стрелковой дивизии. После революции подвергался репрессиям.

Московская практическая академия коммерческих наук

17 декабря, в день 105 годовщины основания Московской практической академии коммерческих наук¹⁵⁴, попечителем которой я продолжал состоять, в Москве, в здании академии состоялось обычное торжественное собрание Общества любителей коммерческих знаний¹⁵⁵ и годичный акт.

По этому поводу я послал на имя председателя Совета следующую телеграмму:

«Сегодня, в день торжественного ежегодного акта и празднования дня основания Академии, я всеми мыслями переношусь к вам и очень сожалею, что второй год подряд не могу лично председательствовать на акте. Шлю с передовой линии славных сибирских стрелков командуемой мною бригады самый сердечный привет дорогой мне Академии, поздравляю членов Совета, преподавателей, наблюдателей и классных наставников, с праздником нашей Академии, которой желаю от всего сердца дальнейшего преуспевания на радость и гордость всех, кои дорожат ею и любят ее. Всех, кто получит награды и аттестаты, поздравляю особенно сердечно и желаю им и впредь служить добрым примером своим товарищам».

На это приветствие я получил следующий ответ:

«Собравшиеся на праздник 105 годовщины в жизни Академии, Совет, Педагогический комитет, учащиеся и их родители, и родственники глубоко сожалеют по поводу отсутствия Вас, нашего сердечно любимого президента. Ваше проникнутое чутким вниманием и нежной любовью приветствие Академии написанное на передовой линии до глубины души тронуло всех нас. Примите и нашу глубокую благодарность, примите и горячие пожелания вам всего лучшего, да сохранит вас Господь на радость нашей Академии, на радость всех нас горячо любящих вас.

Директор Реформатский¹⁵⁶».

Вслед за этим воспитанники Академии препроводили мне девять мешков с подарками для стрелков, что меня страшно растрогало. Полный чувств благодарности, я написал директору следующее письмо:

«Милостивый государь, Александр Николаевич,

Вы не поверите, до чего я был тронут таким добрым порывом учеников Академии, проявивших такую заботу о солдатах, находящихся на передовых позициях. Девять мешков с подарками стрелкам временно командуемой мной дивизии мною получены и доставили мне огромную радость.

Прошу Вас передать всем приславшим подарки, что я не знаю, право, как их благодарить, мне так дорого, что вверенные мне стрелки-сибирцы будут иметь к праздникам в окопах подарки от учеников родной мне Академии. Я сделал распоряжение, чтобы подарки эти были розданы всем стрелкам, кои будут находиться в окопах в первый день Рождества Христова во время следования по оным, полкового священника с крестом и святой водой.

---

¹⁵⁴ ...Московская Практическая академия коммерческих наук – среднее учебное заведение для подготовки коммерсантов в Российской империи. Основано в 1810, начиная с 1844 года занимало дом Дурасовых на Покровском бульваре. Расформирована в 1917.

¹⁵⁵ ...Общество любителей коммерческих знаний – общество, учрежденное в 1810 году для финансирования Практической академии наук. В 1910 году в обществе состояло 96 действительных членов, в т. ч. представители крупнейших московских предпринимательских семей: Абрикосовы, Бурышкины, Гучковы, Коншины, Кокорева, Кузнецовы, Рябушинские и др.

¹⁵⁶ ...Реформатский Александр Николаевич (1864–1937), известный российский и советский ученый-химик. В 1906–1916 гг. директор Московской практической академии. После 1917 – декан физико-математического факультета МГУ, декан химико-фармацевтического факультета 2-го МГУ, заслуженный деятель науки РСФСР (1935).

Шлю Вам сердечный привет к праздникам и Новому году и прошу верить
в искреннее мое уважение и преданность
В. Джунковский.

Приезд М. Д. Карповой

В это время я был обрадован приездом москвичей – приехала М. Д. Карпова¹⁵⁷ с тремя представителями от рабочих Никольской мануфактуры. С ними пришли два вагона вещей, пожертвованных рабочими и служащими. Вещи все были чудные, а главное их было большее количество, так что вполне хватило на 18.000 строевых нижних чинов.

М. Д. Карпову сопровождала еще сестра милосердия О. В. Корибут-Дашкевич¹⁵⁸. Я знал об их приезде и поехал их встретить на ст. Залесье. Для меня встреча с москвичами была большой радостью. Встретив их и переговорив, я повез дам к себе в санях, а уполномоченные остались в вагоне при вещах. После ужина разбирал с М. Д. Карповой список привезенных вещей, приблизительно распределив их по частям дивизии, и затем отвез их на вокзал, а на другой день командировал на вокзал прапорщика Редько – сына начальника дивизии, чтобы помочь разобрать вещи и присутствовать при передаче их офицерам полков командированных для принятия их.

К концу распределения вещей на станцию приехал генерал Редько и я. Затем все бывшие у нас завтракали в штабе, после чего я повез их на один из наблюдательных артиллерийских пунктов, откуда хорошо были видны немецкие позиции, чтобы показать им стрельбу по окопам неприятеля из двух батарей легкой и мортирной из гаубиц. К сожалению погода была пасмурная и потому не так ясно видны были разрывы. Тем не менее, впечатление было сильное. Как только мы прибыли на наблюдательный пункт, я приказал открыть огонь и одна граната за другой попеременно со шрапнелями стали перелетать через наши головы и обрушиваться на окопы немцев.

Эти последние тотчас стали отвечать нам из тяжелых орудий, и их разрывы были уже видны совершенно ясно в расстоянии версты от нас. Это все были перелеты, не принесшие вреда. Насладившись этим зрелищем, наши гости посетили со мной четыре батареи, в двух из них пили чай у гостеприимных артиллеристов в блиндаже. Когда мы возвращались уже в темноту, немцы очень красиво освещали наш путь ракетами, мы говорили нашим гостям, что немцы очевидно беспокоились, как мы доедем в темноту и потому любезно освещали нам дорогу.

На другой день наши гости лично раздавали подарки в 32-м полку, стоявшем в резерве. К этой раздаче приехал генерал Редько и приветствовал москвичей перед выстроенным полком, в ответ на это старичок-рабочий произнес очень простую задушевную речь, которая растрогала солдат. Я оставил уполномоченных от рабочих, по просьбе солдат, у них в полку, они обедали вместе с ними, их всячески ублажали, и они вернулись поздно вечером в восторге от проведенного дня среди сибирских стрелков. Дамы же обедали у нас в штабе. Затем было еще посещение 31-го полка и чай у командира, после чего заезжали в штаб корпуса к Редько, откуда поехали в окопы 29-го полка нарочно в темноту, т. к. это был самый опасный участок, немцы были от нас на этом участке всего в 400 шагах.

Мы обошли две роты, и я был не рад, что повел их; т. к. в одном из ходов сообщения нас обстреляли, несмотря на то, что нас не могли заметить, было слишком темно – очевидно они услышали наши разговоры; я очень испугался за своих гостей, когда явственно просвистало несколько пуль, но они не обратили на это никакого внимания, не отдавая себе отчета в этом свисте. Я был рад, когда мы выбрались из окопов. На следующий день уполномоченные рабочие были у обедни в 32-м полку, а днем я со всеми ими ездил в 30-й полк – самый безопасный

---

¹⁵⁷ ... Карпова Мария Дмитриевна (урожд. Лепешкина, 1876–1943), жена Карпова Тимофея Геннадиевича, оба – члены Московского благотворительного общества.

¹⁵⁸ ... Корибут-Дашкевич Ольга Викторовна, сестра милосердия.

участок. В окопах я велел собрать стрелков 2-й роты, и старик уполномоченный держал им речь, затем посетили еще две батареи, везде раздавали подарки.

В последний день их пребывания, это был уже четвертый день, они ездили без меня, я командировал с ними для осмотра наших военных лазаретов и отрядов Красного Креста и посещения раненых дивизионного врача. Вечером, поужинав у нас, они покинули наше расположение – я их не провожал, т. к. не мог отойти от телефона, у меня шла сильная перестрелка на одном из боевых участков, я командировал на вокзал оркестр музыки, который играл при отъезде наших гостей. Мы простились самым сердечным образом, эти 4 дня, хотя и отняли у меня много времени, но радостно бодряще отзывались в моей душе.

В этот день (20 декабря) я получил распоряжение, чтобы в ночь на 22-е произвести в назначенном пункте усиленную рекогносцировку и во чтобы то ни стало захватить находившуюся там рошу с целью захвата пленных и определения расположения противника. Это была первая боевая задача, которую мне предстояло разрешить. Естественно, что распоряжение это меня весьма взволновало, оставалось два дня, надо было немедленно приступить к разработке плана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.